

СТАНЦИЯ „ДРЕЙФ“

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский
Станция «Дрейф»

«Автор»

2026

Северский А.

Станция «Дрейф» / А. Северский — «Автор», 2026

Метеоролог Ада Ренн привыкла доверять проверяемым данным. Навигационный реставратор Леон Вар — только тем решениям, от которых человек ещё может отказаться. Когда океаническая станция «Дрейф» теряет береговые сигналы и начинает уходить по маршруту, которого никто не прокладывал, их несовместимые правила становятся единственным шансом экипажа. В архипелаге Лаэр путь существует, пока двое независимо помнят его причину. Но море сохраняет отвергнутые решения, а попытка свести разные воспоминания в одну удобную правду создаёт ложный безопасный коридор. Чтобы вернуть станцию и предупредить острова о грядущем переломе течений, Аде и Леону придётся раскрыть тайну пропавшей смены, оспорить приказ берега и научиться доверять друг другу, не присваивая чужую память. «Станция Дрейф» — атмосферное романтическое фэнтези о профессиональном равенстве, цене общего решения и близости, которой не нужна единая версия прошлого.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Нулевая поправка	6
Глава 2. Реставратор маршрутов	11
Глава 3. Маяк отвечает дважды	19
Глава 4. Комната без горизонта	27
Глава 5. Шов платформ	34
Глава 6. Журнал утонувшей смены	39
Глава 7. Приказ с берега	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Северский

Станция «Дрейф»

От автора

У любого общего пути есть история: кто предложил направление, кто увидел опасность, кто согласился рискнуть и кто остался за границей решения. Обычно карта скрывает эту историю под одной линией. В романе «Станция «Дрейф»» океан поступает иначе — помнит не только выбранный маршрут, но и дороги, от которых люди отказались.

Это история о двух взрослых специалистах, вынужденных работать в замкнутом пространстве, где ошибка измеряется не только расстоянием до берега. Ада Ренн и Леон Вар умеют проверять приборы, расчёты и чужие выводы. Гораздо труднее им признать, что два честных воспоминания об одном событии могут не совпадать и при этом ни одно не обязано стать ложью ради удобного общего курса.

Главы последовательно открывают устройство станции, прошлое её экипажей и цену навигации, основанной на памяти. Здесь нет единственно правильной карты, которую читателю следует угадать раньше героев. Важно другое: кто получает право провести линию, кто может отказаться идти по ней и что происходит с маршрутом, оставшимся за краем решения.

Роман можно читать как приключение об океанской станции, как историю профессионального расследования и как разговор о близости без присвоения. Все три линии сходятся в поступках героев — там, где доверие перестаёт быть обещанием и становится правом другого изменить общий путь.

Глава 1. Нулевая поправка

За девять минут до поворота к материку океан сдвинул станцию на восток.

Всего на четыре ладони — меньше ширины дверного проёма, меньше шага человека, спешащего по мокрой палубе. Ни один механический лаг не счёл бы такое расстояние ошибкой. Но на столе Ады Ренн лежали три прозрачные карты, и на каждой янтарная нить возвращения прошла мимо контрольной насечки.

Ада задержала дыхание и дождалась следующего удара мерной волны.

Картографический зал качнулся. Под стеклянным полом, в чёрной воде между платформами, на миг проступила тонкая зелёная полоса — след-намерение, которым «Дрейф» отмечал выбранный путь. Полоса должна была коснуться медного штыря под северной фермой. Она прошла восточнее.

Теперь уже на пять ладоней.

— Нис, время до разворота.

Дежурный техник поднял голову от пульта.

— Восемь сорок. Берег держит окно. Все секции подтвердили сцепление.

Ему было двадцать четыре, и он ещё улыбался цифрам, совпадающим с инструкцией.

Ада когда-то тоже умела.

Она наложила карты одну на другую. Прогноз ветра, расчёт течений, маршрутный след. Три прозрачных листа сомкнулись без зазора, будто океан только что не нарушил их общее решение.

— Повтори донные метки.

— Мы повторяли семь минут назад.

— Теперь повтори без береговой поправки.

Улыбка исчезла. Нис отключил серебряный ободок вокруг шкалы глубин. Цифры дрогнули, словно лишились чужой руки, удерживавшей их на месте. Под килевой платформой было сто восемьдесят саженей. Через секунду — сто семьдесят две. Затем снова сто восемьдесят.

Мелководье под ними не могло появиться и исчезнуть между двумя вдохами.

— Грязный кристалл, — сказал Нис. — Или обратная волна от Кассара.

— Кассар в тридцати милях к югу.

— Именно поэтому обратная.

Ада сняла с крючка переговорную пластину. Её край уже светился белым: берег ждал штатного доклада перед разворотом.

— «Дрейф» вызывает Службу. Запрашиваю независимую сверку бокового смещения.

Ответ Элвы Сор пришёл почти без задержки, но голос распался на две доли: сначала согласные, потом гласные. Дальняя связь всегда напоминала Аде человека, который сперва принимает решение, а после подбирает для него слова.

— Сверка выполнена. Отклонение ноль целых три сотых, в пределах допуска. Подтвердите возвращение по коридору семь.

На дальней стене зажглась береговая схема. Светлая линия шла от станции между двумя зонами сезонного шторма и заканчивалась в гавани Лиара. Ада строила эту модель четыре года. На побережье её уже называли коридором Ренн, хотя она каждый раз вычёркивала имя из служебных сводок.

— У нас расхождение донных меток и визуального следа. Прошу исходные показания без автоматического совмещения.

— Исходные показания не меняют вывода. До окна восемь минут.

— Они меняют степень доверия к выводу.

В зал вошёл Мик Орден, старший механик, застёгивая на ходу непромокаемый ворот. За его спиной открылась дверь на внешнюю галерею, и запах озона перебил тёплую медь приборов.

— Что встало?

— Пока ничего, — ответил Нис прежде Ады. — Руководительница проверяет четыре ладони океана.

Мик посмотрел на карты. Он не улыбнулся.

— Четыре ладони куда?

— На восток, — сказала Ада. — Без причины в данных.

— На востоке у нас чисто до самого пояса.

— По карте.

Он понял первым. Чистота, существующая только по карте, была хуже отмеченной опасности.

Белая линия берегового коридора стала ярче. Станция готовилась принять её. Под полом зазвенели направляющие: шесть платформ передавали друг другу одно и то же намерение — вернуться ради доставки сезонных наблюдений. Чтобы путь удержался, требовались две независимые причины. Ада помнила острова, ожидавшие прогноз перелома течений. Мик помнил изношенные шарниры, которым нужна была береговая верфь. Этого было достаточно.

Именно поэтому отменить курс без доказательства означало не просто задержать возвращение. Она должна была разорвать действующий след, созданный ещё одним человеком.

— Служба, пришлите сырые глубины, — повторила Ада.

— Отказано, — ответила Элва. — Канал загружен передачей вашей погодной матрицы. Ада, вы сами установили допустимую погрешность. Текущая ниже порога в девять раз.

— Я установила её для измерений внутри согласованной модели.

— Модель согласована.

— Океаном тоже?

Нис отвёл глаза. Мик медленно выдохнул через нос.

На пластине возникла пауза, слишком короткая для сомнения и достаточно длинная для предупреждения.

— Подтвердите коридор семь, — сказала Элва. — Семь минут десять секунд.

Ада прикоснулась к центральной карте. Янтарная нить была тёплой — путь уже собирал память тех, кто готовился домой. В каютах закрывали ящики, в оранжерее закрепляли лотки, повара сливали воду из открытых баков. Двадцать три человека успели вписать возвращение в ближайший вечер. Отмена разойдётся по станции не как команда, а как отнятое будущее.

Снова ударила мерная волна.

Зелёный след под стеклянным полом раздвоился.

Одна полоса коснулась медного штыря. Вторая, более бледная, ушла восточнее и исчезла под краем платформы.

— Видел? — спросила Ада.

— Отражение, — сказал Нис, но голос его стал тише.

— От чего?

Ответил Мик:

— От маршрута, которого ещё нет.

Ада уже двигалась. Она сбросила верхнюю карту, открыла аварийную панель и повернула два ключа. Третий находился на механическом посту.

— Мик, снимай тягу с восточного шарнира. Нис, общая тревога, без эвакуации. Всем закрепиться.

— До разворота шесть сорок, — напомнил Нис.

— Поэтому сейчас.

— Вы отменяете курс из-за отражения?

— Я отменяю его из-за двух независимых приборов, которые нам велят не верить себе. Береговая линия вспыхнула алым.

— «Дрейф», вмешательство в маршрут заблокировано до завершения передачи, — сказала Элва. — Не снимайте тягу.

— Передача удерживает нас на курсе?

— Она удерживает канал.

Это не было ответом. Ада выдернула переговорную пластину из гнезда. Белое свечение не погасло: берег питал её через маршрутный контур.

Мик добежал до механического шкафа и вставил ключ. Между ними оставалось пять шагов и четыре года совместных вахт.

— Причина отмены? — спросил он.

Формальность была магической, не служебной. Без независимого основания его ключ не повернулся бы.

Ада могла сказать: неизвестная опасность. Тогда Мик повторил бы её страх, и станция не приняла бы две памяти как разные. Могла приказать. Тогда разорвался бы только металл.

— Моя причина — неверный прогноз бокового течения, — сказала она. — Я отвечаю за модель и больше ей не доверяю.

Мик глядел не на неё, а на дрожащие стыки платформ.

— Моя — восточный шарнир. Он тянет нагрузку, которой нет в расчёте. Если войдём в поворот, потеряем секцию.

Его ключ повернулся.

Станция содрогнулась. В окнах картографического зала океан накренился, на секунду став стеной. С полок посыпались зажимы. Нис ударил ладонью по тревожной скобе, и по всем платформам разнёсся низкий тройной гул.

— Тяга снята! — крикнул Мик.

Но янтарная линия на карте не погасла. Береговой расчёт держал её, используя передачу погодной матрицы как вторую причину: островам нужны данные, станция должна вернуться. Безымянная память тысяч людей оказалась достаточно тяжёлой, чтобы спорить с двумя людьми в одном зале.

— Контур не отпускает, — сказал Нис.

До разворота оставалось четыре минуты.

Ада открыла клапан ручного сброса. Ничего. За прозрачной крышкой вращалось белое кольцо автоматического согласования. Оно подбирало к каждому их сомнению береговое объяснение и возвращало стрелки в норму.

— Элва, отключите совмещение.

— Не могу, пока идёт матрица. Вы потеряете весь канал.

— Тогда потеряем.

— На островах началась подготовка к перелому. Без ваших последних слоёв мы не различим два фронта.

На миг Ада увидела не карту, а низкие дома острова Пелль, где солёная вода входила в сады раньше шторма. Свою мать, складывающую ставни у окна. Лодки, которым её прогноз назначит гавань. Элва не преувеличивала ставки. Оттого её приказ и был опасен.

Ада взяла из аварийного футляра стеклянный резак.

Нис побледнел.

— Если перережете жилу, мы не восстановим дальнюю связь в море.

— Знаю.

— Реставратор прибыл именно для старых каналов. Пусть сначала посмотрит.

Ада вспомнила мужчину, поднявшегося на борт утром с одним узким сундуком и разрешением, подписанным Элвой. Леон Вар почти не говорил. Он попросил схему связи, получил отказ до окончания разворота и ответил так спокойно, словно ожидал именно этого.

До него было две платформы и три запертых перехода.

До поворота — три минуты.

— Не успеет.

Она вогнула резак под белое кольцо.

Соппротивление пришло не от стекла. В ладонь ударила чужая уверенность: коридор проверен, данные нужны, возвращение безопасно. Тысячи одинаковых мыслей, сведённых автоматикой в одну гладкую причину. Ада сжала рукоять обеими руками. Ей захотелось согласиться не потому, что берег был прав, а потому, что спорить с ним вдруг стало физически больно.

— Мик, повтори свою причину.

— Восточный шарнир несёт лишнюю нагрузку.

— Нис?

Техник смотрел на глубинную шкалу.

— Я... не знаю.

— Тогда не повторяй нашу. Скажи только то, что измерил сам.

Он сглотнул.

— Глубина меняется без времени на изменение.

Третья отдельная причина вошла в контур. Белое кольцо дёрнулось. Ада надавила, и стеклянная жила лопнула с тихим звуком, похожим на треск льда в стакане.

Берег исчез посреди вдоха.

Свет погас во всём зале. Осталась зелень под полом — две тонкие линии, расходящиеся в воде.

Потом включились аварийные лампы.

— Ручное управление, — сказала Ада. — Северные лопасти назад на треть. Южные вперёд на четверть. Разворот против следа.

— Мы не видим коридор, — сказал Нис.

— Поэтому идём поперёк него.

Мик передал команды на секции. Металл загудел. «Дрейф» поворачивался медленно, будто каждая платформа ещё помнила дом и сопротивлялась отмене.

В двух минутах от назначенного разворота донная шкала упала со ста восьмидесяти до сорока саженей.

В одной минуте — до двенадцати.

Из темноты впереди поднялся белый гребень. Сначала Ада приняла его за волну, но гребень не двигался. Вода разбивалась о невидимый риф и взлетала ровной стеной. На береговой карте там было две сотни саженей чистого моря.

— Риф по правому борту! — крикнул Нис.

— Вижу.

Станция ещё неслась к нему боком. Восточная платформа прошла так близко, что брызги ударили в окна снизу вверх. В глубине под ней мелькнули каменные зубья, покрытые светящимися раковинами. Мик не отрывал руки от ключа, удерживая рассоединённый шарнир.

— Ещё десять градусов, — сказал он. — Потом сцепляю, иначе хвост сорвёт.

— На восьми.

— На десяти безопаснее.

— На десяти третья платформа войдёт в обратную воду. Восемь.

Он коротко кивнул. Не согласился — принял её участок решения.

На восьмом градусе шарнир сомкнулся. Удар прошёл через станцию от кормы к носу. Одна из ламп взорвалась, осыпав стол горячими осколками. Нис прикрыл карты телом.

Риф скользнул вдоль борта и остался позади.

Никто не заговорил сразу. За окнами снова был только ночной океан, слишком ровный для места, где они едва не потеряли шесть платформ и двадцать три жизни.

Ада посмотрела на часы. Назначенное время поворота прошло.

— Повреждения?

Мик проверял сигналы секций.

— Восточный шарнир перегрет. Нижняя лопасть на третьей отвечает с задержкой. Корпуса целы.

— Люди?

Нис слушал внутреннюю связь.

— Двое ушиблись. В оранжерее разбито три лотка. Серьёзных нет.

— Канал? — спросил Мик, хотя видел чёрную пластину.

Ада вставила её обратно в гнездо. Ни света, ни голоса, ни даже берегового шума. Передача оборвалась вместе с погодной матрицей.

— Дальний потерян.

Эти два слова легли на зал тяжелее аварийной тишины. До ближайшей зоны уверенного сигнала было шесть дней по маршруту, которого у них больше не было.

В дверь постучали один раз и, не дожидаясь ответа, открыли.

На пороге стоял Леон Вар. Рыжие волосы потемнели от морской воды, на скуле тянулась свежая царапина. В одной руке он держал ремень переносного измерителя, в другой — обломок чёрной раковины.

— Кто разорвал береговую жилу? — спросил он.

— Я, — ответила Ада.

Он перевёл взгляд на мёртвую пластину, затем на карты.

— Хорошо.

Мик шумно усмехнулся.

— Редкая оценка после потери единственной дальней связи.

— Если бы не разорвали, говорить было бы некому.

Леон положил раковину на стол. По её краю шла свежая зелёная полоса — тот же свет, что под полом.

— Риф не нанесён ни на одну действующую карту, — сказала Ада.

— Потому что это не действующий риф.

— Камень либо есть, либо нет.

— Для геолога — возможно. Для реставратора маршрутов камень бывает ещё оставленным.

Он подошёл к окну и указал вниз.

Две зелёные линии всё ещё тянулись за станцией. Одна отмечала ручной поворот, которым они обошли риф. Вторая уходила прямо сквозь белую воду и каменные зубья — точный след берегового коридора, по которому «Дрейф» не прошёл.

Отменённый маршрут не исчез.

Он продолжал двигаться вместе с ними.

— Это отражение? — спросил Нис.

— Нет, — сказал Леон. — Отражение повторяет то, что случилось.

Он посмотрел на Аду, и в его спокойствии впервые проступило нечто жёсткое, почти личное.

— А этот след помнит то, чему вы не позволили случиться.

Глава 2. Реставратор маршрутов

Леон запретил поднимать раковину голыми руками.

Она лежала посреди картографического стола, чёрная снаружи, молочно-белая на сколе. По краю медленно ползла зелёная искра. Всякий раз, когда «Дрейф» переваливался на волне, искра останавливалась, словно ждала, куда станция решит падать, и лишь потом продолжала путь.

— Это образец с рифа? — спросила Ада.

— С внешнего настила третьей платформы. Его выбросило туда после поворота.

— Значит, с рифа.

— Значит, он оказался на настиле после поворота.

Леон снял с плеча переносной измеритель и поставил рядом с раковиной. Прибор был старше его — деревянный ящик с медными углами, тремя стеклянными шкалами и катушкой тонкой серой нити. Современные реставраторы пользовались пластинами, которые сами распознавали остаточную причину маршрута. Этот человек привёз на станцию вещь, не способную ни распознать, ни решить что-либо без хозяина.

Ада это одобряла. Поэтому не доверяла ему ещё сильнее.

— Нис, закрой зал, — сказала она. — Мик, восточный шарнир выдержит час без разгрузки?

— Если станция не придумает ещё один поворот.

— Не придумает. Переведи людей с третьей платформы на вторую, кроме аварийной смены. После — ко мне.

Мик взглянул на Леона.

— Для чего?

— Будем решать, допускать ли реставратора к контуру, который он увидел три минуты назад и уже объявил умнее всех нас.

— Я не объявлял контур умным, — сказал Леон. — Только голодным.

Мик задержался, будто хотел услышать продолжение, но Ада указала на дверь. Старший механик ушёл. Нис запер за ним обе створки и опустил медную скобу. В зале остались трое, мёртвая береговая пластина и две линии за окнами.

Одна линия постепенно тускнела. Ручной путь, которым они обошли риф, становился прошлым и отдавал свет воде. Вторая сохраняла ровную зелень. Она уходила назад, в белую пену над камнями, но на дальнем краю обзора загибалась к станции.

Ада подошла ближе к стеклу.

— След дрожит из-за боковой волны.

— Волна смещает воду, — ответил Леон. — Не причину.

— Вы провели хотя бы одно измерение?

— Ещё нет.

— Тогда не называйте наблюдение выводом.

Он посмотрел на неё без раздражения. Это было хуже: раздражённого человека можно заставить вернуться к делу. Леон уже стоял внутри дела и, похоже, не собирался уступать ей даже право назначить его начало.

— Хорошо, — сказал он. — Наблюдение: отвергнутый след не отдаёт свет воде. Предположение: причина, которая его удерживает, всё ещё действует. Вопрос: чья она?

— Береговой расчёт держал маршрут через необходимость передать матрицу.

— Это одна причина.

— Вторая — возвращение на верфь. Станция приняла обе до отмены.

— Вы отменили свою.

— Мик отменил свою.

— А острова?

Ада вспомнила голос Элвы: два фронта, низкие дома Пелля, незавершённая матрица. Необходимость никуда не исчезла, когда погас канал. Но необходимость не была человеком и не должна была помнить.

— Маршрут не может удерживаться чужими ожиданиями на берегу, — сказала она.

Леон открыл крышку измерителя.

— Десять лет назад я бы согласился.

— А девять лет назад?

Впервые его лицо изменилось. Не сильно: пальцы лишь задержались на защёлке.

— Девять лет назад исчезла станция «Ладога».

Нис перестал записывать показания. Название знали все, кто работал с дальними маршрутами. «Ладога» вышла к западному поясу за сезонными замерами и не вернулась. По официальному заключению, сцепленные платформы разорвало в ночном шторме; ни обломков, ни тел не нашли. После этого берег ввёл обязательное автоматическое совмещение журналов, то самое белое кольцо, которое Ада час назад разрезала.

— Вы прибыли из-за «Ладоги», — сказала она.

— Да.

— В разрешении Элвы указано: обследование старых каналов станции перед списанием.

— Это тоже правда.

— Удобная часть правды.

— Другой мне не позволили бы подняться на борт.

Ада накрыла ладонью крышку измерителя прежде, чем он успел размотать нить.

— Пока вы пассажир, утаивший цель прибытия. К контуру вы не прикаснётесь.

Леон не потянул прибор к себе. Между их руками оставалась тонкая деревянная крышка, и под ней едва слышно постукивали стрелки.

— На «Ладоге» служила моя сестра, — сказал он. — Мара Вар. Младший хранитель маршрута.

Нис опустил взгляд.

Ада знала имя. Оно стояло в конце списка пропавших, возле должности, которую в официальном отчёте сократили до «техник». Она читала дело в Навигационной школе: катастрофу разбирали как доказательство того, что человеческие журналы нужно вовремя сводить в единую модель. Снимок Мары в учебном приложении был плохим, лицо размыто дождём. Ада запомнила не лицо, а подпись под последней схемой: «Расхождение причин превышает безопасное». Преподаватель назвал эту фразу признаком паники.

— Вы ищете её останки? — спросил Нис.

— Журнал.

Леон сказал это слишком быстро.

— Почему журнал должен быть здесь? — спросила Ада.

— Потому что «Дрейф» собран на береговой верфи из трёх платформ «Ладоги».

За окнами ударила волна. Зелёная линия дрогнула, но не погасла.

Ада убрала руку с измерителя.

— Наши платформы новые.

— Верхние настилы. Несущие понтоны второй, четвёртой и шестой подняли через два года после исчезновения. Очистили память металла, сменили сцепления, присвоили другие номера.

— Такого нет в паспорте станции.

— Потому что после очистки понтон считается новым.

— Кем считается?

— Службой.

Слово прозвучало без нажима. Леон не пытался сделать Элву виновной одним упоминанием. Он просто положил ещё один факт рядом с мёртвой пластиной и ждал, выдержит ли их прежняя картина мира его вес.

Ада подошла к шкафу технических копий. Паспорт «Дрейфа» занимал шесть тонких пластин. На четвёртой были перечислены даты сборки секций; даты понтонов отсутствовали. Она всегда принимала их за дату сборки всей платформы.

— Откуда вы знаете? — спросила она.

— Я видел клейма до того, как их закрыли новыми рёбрами.

— На верфи?

— Под водой. Сегодня утром.

— Вы выходили за внешний контур без допуска.

— С разрешения механика второй смены.

— Механик второй смены не может разрешить обследование несущих понтонов.

— Он разрешил достать упавший чемодан. Где именно я искал чемодан, он не спросил.

Нис кашлянул, пряча улыбку. Ада посмотрела на него, и улыбка исчезла.

— Это должно убедить меня доверить вам повреждённый маршрутный контур?

— Нет. Это должно убедить вас, что без меня вы всё равно полезете проверять клейма. Потратите час, разбудите остаточный след и не узнаете, что с ним делать.

— А с вами узнаю?

— Со мной у вас будет человек, который уже однажды сделал все неправильные вещи в правильном порядке.

Он не улыбнулся. За сухой фразой стояло что-то тяжёлое и давно обжитое.

Ада вернулась к столу. Любой штатный приказ требовал отстранить Леона, запечатать его прибор и ждать связи с берегом. Связи не было. Штатный маршрут едва не привёл их на риф, которого не существовало в картах. А три понтона могли помнить исчезнувшую станцию.

Ей не нравился выбор. Значит, нужно было сделать его проверяемым.

— Два журнала, — сказала она. — Вы ведёте свой. Я — свой. Не показываем записи друг другу до окончания каждой проверки. Нис снимает показания отдельно и хранит их в механическом сейфе. Ни одна формулировка не переносится из одного журнала в другой.

— Согласен.

— Я ещё не закончила. Любое действие с контуром требует двух разных оснований. Не подтверждения моего приказа и не повторения вашей гипотезы. Если оснований нет, мы останавливаемся.

— Согласен.

— Обнаружите журнал Мары — сначала фиксируете место и состояние находки. Не вскрываете его в одиночку и не прячете личные фрагменты под видом служебной тайны.

Тишина между ними стала иной. Леон медленно закрыл крышку измерителя.

— Нет.

— Тогда допуска не будет.

— Служебную часть вы получите полностью. Личная принадлежит Маре.

— Если личная запись объясняет поведение маршрута, она касается двадцати трёх людей.

— Тогда я подтверждаю факт, который касается маршрута.

— На слово?

— Нет. Второму независимому хранителю, которого выберет экипаж. Но не всей станции и не береговой Службе.

Ада почувствовала, как в ней поднимается знакомое желание устранить лишнее звено. Один журнал, открытый всем специалистам, был надёжнее тайны, разделённой между людьми.

Так строилась её погодная модель: слой за слоем, пока частные наблюдения не превращались в общую карту.

Белое кольцо автоматического согласования ещё лежало под разбитой крышкой. Оно тоже превращало частное в общее.

— Хранителя выберу не я, — сказала она. — Его выберут трое: Мик, Нис и дежурная врач. Без вас и без меня.

— Подходит.

— До выбора журнал не вскрываем.

Леон помедлил.

— Подходит.

Это не было доверием. Доверие требовало времени, которого у них не было. Они построили ограду вокруг взаимного недоверия и оставили в ней ровно столько дверей, сколько требовала работа.

Ада протянула руку.

Леон посмотрел на неё, затем пожал. Его ладонь была холодной после внешней палубы, пальцы — в мелких порезах от раковин. Он не сжал сильнее необходимого, не задержал касание. Почему-то именно это она заметила.

— Нис, два пустых журнала, — сказала Ада, отпуская руку. — С разными замками.

Техник вынул из шкафа синюю и серую книжки в металлических переплётках. Ада взяла синюю. Леон — серую. Они одновременно поставили время первой записи: час семнадцать после отменённого разворота.

Леон разматывал нить измерителя. На конце вместо грузика была крохотная развилка из тусклого серебра.

— Сначала раковина, — сказал он. — Нужны две причины.

— Определить, несёт ли она остаток маршрута. Моя причина — исключить загрязнение приборов фрагментом рифа.

— Моя — проверить, принадлежит ли зелёный свет камню или пути, которого не было.

Серебряная развилка коснулась скола.

Стрелки измерителя разошлись. Левая показала возраст раковины — не меньше сорока лет. Правая, отмечавшая время последнего маршрута, остановилась на завтрашнем полудне.

Нис выругался одними губами.

— Прибор неисправен, — сказала Ада.

— Возможно.

Леон переставил серебряную вилку на край стола. Левая стрелка упала к нулю. Правая показала нынешний час. Потом он коснулся нитью рукава Ады. Стрелка маршрута качнулась назад — к времени ручного поворота.

— Почему раковина помнит завтра?

— Она не помнит. Она ожидает.

— Вещи не ожидают.

— Вещи — нет. Следы-намерения — да. Вы нашли риф раньше, чем вошли в него.

Отвергнутый путь продолжает считать, что столкновение должно случиться.

Ада записала показания, не поднимая головы.

— Гипотеза. Не факт.

— Запишите именно так.

Он не пытался заглянуть в её журнал. Ада невольно отвернула страницу меньше, чем собиралась.

Вернулся Мик. Вместе с ним пришла Сева Лан, дежурная врач — высокая женщина с коротко остриженными седыми висками. Она принесла список ушибов и сразу положила его перед Адой.

— Двое вернутся к смене утром. Один лоток в оранжерее разбился рядом с ребёнком поварихи, царапина на ладони. В следующий раз тревогу давайте на полминуты раньше.

— В следующий раз постараюсь обнаружить отсутствующий риф заранее.

— Постарайтесь.

Сева заметила раковину и прибор.

— Это теперь пациент?

— Свидетель, — сказал Леон.

— Тогда не давайте ему советов без осмотра.

Ада изложила договор. Мик выслушал молча, Сева задала три вопроса о личной части журнала и ни одного — о том, почему родственник пропавшей оказался на станции под ложным предлогом. Когда дошли до выбора хранителя, врач сказала:

— Если найдём запись, выберем человека, который не зависит от вашего решения и не получит от тайны выгоды. Заранее имя не назначаем. Иначе берег сможет надавить на него раньше нас.

Леон кивнул.

— Разумно.

— Я не для вас стараюсь, — ответила Сева. — У меня двадцать три пациента, двое из них считают себя руководителями этого разговора.

Они перешли в нижний технический ярус. Там было тесно, жарко и слышно, как море перебирает днище длинными ногтями. Перерезанная жила шла от картографического зала через шахту связи к маршрутному контуру под третьей платформой. Белое стекло внутри неё потемнело, но возле стыков проступали зелёные прожилки.

Мик открыл решётку сервисного лаза.

— За ней два человека максимум. Если восточный шарнир дёрнется, закрываю створку и вытаскиваю обоих за страховочные тросы. Кто идёт?

— Я, — одновременно сказали Ада и Леон.

— Замечательно. Хоть в чём-то журналы совпали.

Мик пристегнул их к разным направляющим. Аде досталась левая, Леону правая. Лаз сужался к контуру, и вскоре они двигались на локтях над чёрной водой, разделённые только гребнем несущей балки. От Леона пахло мокрой шерстью, металлом и горькой мазью для порезов. Каждый раз, когда платформа проседала, его плечо оказывалось в нескольких пальцах от её плеча, но он удерживал свою половину прохода.

У самого контура они увидели первый след старой станции.

Под новым номером платформы проступали выбитые буквы: ЛА-4. Их пытались сточить, однако морская соль съела свежий металл быстрее старого, и клеймо вернулось.

Ада осветила его ручной лампой.

— Четвёртая платформа «Ладоги».

— Да.

— Вы знали, что именно эта секция здесь?

— Знал про три понтона. Не знал их нынешнего порядка.

— Почему Элва прислала вас на станцию, собранную из них?

— Я надеялся спросить её, когда найду доказательство, которое она не сможет назвать семейной одержимостью.

— И нашли?

— Пока нашёл клеймо, которое Служба вправе считать списанным.

Ада провела пальцем рядом с буквами, не касаясь их. Под металлом что-то отозвалось тихой дрожью. Не звук — скорее намерение повернуться на запад, настолько ясное, что её тело приготовилось к наклону раньше платформы.

Леон схватил её за страховочный ремень.

— Не принимайте чужой курс.

— Я ничего не принимала.

— Вы перенесли вес.

Она обнаружила, что действительно упёрлась правой ногой в балку, готовясь к повороту, которого не было.

— Отпустите.

Он сразу разжал пальцы.

— Моя причина продолжать проверку, — сказала Ада, выравнивая дыхание, — установить источник остаточного импульса в несущем понтоне.

— Моя — выяснить, связан ли импульс с маршрутом «Ладоги» или с сегодняшним отвергнутым коридором.

Леон пропустил серую нить под белой жилой. Ада закрепила на противоположной стороне механическую шкалу. Они не называли друг другу ожидаемых значений. Нис наверху отмечал время по ударам станции.

На первом ударе нить потянулась к корме.

На втором — к береговому направлению.

На третьем серебряная развилка повернулась и указала прямо вниз.

Под ними не было ничего, кроме воды.

Леон замер.

— Что означает вниз? — спросила Ада.

— Маршрут проходит под станцией.

— Маршруты лежат на поверхности.

— Действующие — да.

Море ударило в понтон. Зелёный свет вспыхнул в щелях старого клейма и побежал по балке между их руками. На секунду металл исчез. Вместо него Ада увидела палубу другой станции: низкие поручни, мокрые канаты, женщину в жёлтом плаще у открытого люка. Женщина обернулась, но лицо осталось за полосой дождя.

Леон резко втянул воздух.

Видение погасло. Он прижал ладонь к балке так, словно удерживал закрытую дверь.

— Вы видели её? — спросила Ада.

— Запишите своё наблюдение.

— Леон.

— Не сейчас. Иначе у нас будет один журнал.

Он был прав, и от этого хотелось нарушить договор немедленно. Ада открыла синюю книжку и записала жёлтый плащ, открытый люк, отсутствие различного лица. Леон отвернулся насколько позволял лаз и писал в серой. Только закончив, они передали журналы Нису по разным верёвкам.

— Поднимайтесь, — приказал Мик сверху. — Шарнир снова греется.

Ада отстегнула шкалу. В этот момент серая нить натянулась и ушла в воду сквозь щель между балками.

Леон поймал катушку обеими руками.

— Режьте, — сказала Ада.

— Потеряем направление.

— Потеряете руку, если след дёрнет.

— Нить настроена на мой журнал. Она отпустит.

Платформа качнулась. Катушка ударила Леона о край лаза. Страховочный трос удержал его, но правая рука оказалась прижата к балке. Вода внизу засветилась, и из глубины проступила ровная зелёная полоса.

Она шла не позади станции.

Она шла к ней.

Ада вынула нож. Чтобы перерезать нить, требовалось одно движение, но после белой жилы она слишком хорошо знала цену решений, принятых за другого.

— Моя причина резать — шарнир перегрет, через три удара Мик закроет створку. Ваша?

Леон посмотрел на зажатую руку, затем в светящуюся воду.

— Моя — направление уже измерено.

— Достаточно.

Нож перехватил нить. Она лопнула и метнулась вниз, оставив на лезвии зелёный ожог. Леон освободил руку. Они поползли обратно, а за ними с металлическим скрежетом закрывалась решётка.

В техническом ярусе Сева осмотрела Леонову кисть. Два пальца распухли, но сгибались. Он терпел молча, пока врач не надавила на сустав.

— Если хотите изображать бесчувственный прибор, — сказала она, — хотя бы не шипите.

— Приборы тоже шипят.

— Не когда я их лечу.

Ада стояла у навигационной сетки. Нис перенёс на неё три независимых ряда показаний: механическую шкалу Ады, измеритель Леона, интервалы собственного хронометра. Ни один ряд не использовал формулировки другого.

— Нам нужна исходная позиция отвергнутого следа, — сказала Ада.

Нис вывел отметку, сделанную сразу после рифа. Потом — положение у технического лаза. Между ними прошло сорок две минуты. «Дрейф» двигался на северо-запад с малой тягой. След должен был остаться у рифа или растянуться за ними.

Вместо этого расстояние сократилось на восемьсот саженей.

Мик решил, что перепутаны шкалы, и пересчитал вручную. Получилось семьсот девяносто четыре.

Сева перестала перевязывать руку Леона.

— Через сколько он нас догонит?

— Это не судно, — сказала Ада.

— Через сколько?

Нис провёл линию до следующего пересечения.

— Если скорость сохранится, до рассвета.

— Не сохранится, — сказал Леон.

Все посмотрели на него.

Он поднял серый журнал. На обложке проступил зелёный след от мокрой нити.

— Мы дали ему новую причину. До проверки он удерживался берегом и несостоявшимся столкновением. Теперь мы ищем в нём «Ладогу». А он может искать нас в ответ.

— Маршрут не способен искать, — сказала Ада.

— Тогда назовите это сближением двух контуров с общей памятью металла. Скорость всё равно вырастет.

Ада посмотрела на расчёт. Через час после потери берега у них появился движущийся след, который ожидал завтрашнее столкновение и проходил через понтоны исчезнувшей станции. Единственный человек, способный читать такие следы, прибыл под ложным предлогом и искал журнал сестры. Единственный береговой куратор, способный объяснить происхождение понтонов, удерживал их на ложном коридоре до последней секунды.

Прежний порядок действий закончился вместе с белой жилой.

— Снимаем тягу, — сказала Ада. — Полная остановка всех платформ.

Мик нахмурился.

— На остановке течение понесёт нас к восточному поясу.

— Моя причина — отделить скорость станции от скорости следа.

— Моя — разгрузить шарнир до ремонта, — ответил он после короткой паузы.

Две причины вошли в механический контур. Под ногами один за другим стихли винты. «Дрейф» лишился собственного хода, и океан сразу стал слышнее.

Леон подошёл к окну. Сева хотела удержать его за перевязанную руку, но отпустила. Ада встала по другую сторону стекла.

В темноте за кормой зелёная линия изгибалась плавной дугой. Теперь, когда станция остановилась, можно было различить её движение. Она не следовала за волнами. Она пересекала их.

— Вы видели женщину в жёлтом плаще, — сказал Леон тихо.

Ада повернула голову.

— Мы договорились не сравнивать журналы до завершения проверки.

— Проверка завершена.

— Видела.

— Я тоже.

— Мару?

— Не знаю. В день выхода на ней был жёлтый плащ. Но память понтона могла взять образ из меня.

Он впервые произнёс сомнение не как защиту от чужого вывода, а как ограничение собственного. Ада почувствовала неожиданное облегчение и тут же рассердилась на себя за него.

— В моём воспоминании вашей сестры нет, — сказала она. — Я видела снимок в учебном деле, лица не запомнила.

— Значит, у нас пока две разные причины считать образ важным.

След стал ярче.

Нис у сетки назвал новое расстояние. За пять минут оно сократилось ещё на двести саженей.

Леон положил перевязанную руку на холодное стекло. Ада ожидала, что он снова заговорит о Маре. Вместо этого он спросил:

— Как долго станция может дрейфовать без тяги?

— До восточного пояса — пять часов. До безопасной глубины на север — семь, если починим лопасть.

— А до следа?

Ада посмотрела на зелёную дугу. Пока они говорили, её конец пересёк дальнюю насечку окна.

— Меньше четырёх.

Леон кивнул, принимая её расчёт без попытки заменить своим.

Позади них Мик распределял ремонтные смены. Сева выбирала хранителя для возможного журнала. Нис запирает две книжки в разные ячейки сейфа. Станция впервые после отменённого поворота действовала не по единой причине, а по нескольким, не сведённым друг к другу.

И всё же оставленный маршрут приближался.

Когда его зелёный свет коснулся кормовой платформы, из мёртвой переговорной пластины донёсся короткий треск.

Потом неизвестный маяк ответил дважды.

Глава 3. Маяк отвечает дважды

Первый ответ пришёл с запада.

Мёртвая пластина выдала три коротких удара, один длинный и снова три коротких. Нис успел записать последовательность на краю навигационной сетки, когда металл под его пальцами остыл, словно в переговорной шахте захлопнулась дверь.

Через семь вдохов тот же позывной повторился с северо-востока.

На этот раз длинный удар стоял первым.

— Это не повтор, — сказал Леон.

— Последовательность зеркальная, — ответила Ада. — Источник мог отразиться от следа.

Она положила ладонь рядом с пластиной, не касаясь её. В металле ещё дрожали две причины движения. Западная тянула станцию к матерiku через старый грузовой коридор. Северо-восточная обещала тот же материк за переломом течений, где никакого коридора не существовало со времени её учёбы.

Обе ощущались как возвращение.

Это было хуже явной лжи.

— Маяки не меняют порядок позывного, — сказал Нис.

— Живые — нет, — отозвался Леон.

Мик стоял у переговорной двери, удерживая плечом крышку переносного инструментария. Из коридора тянуло горячей смазкой. Аварийная смена уже разобрала кожух нижнего винта, но до лопасти можно было добраться только с наружной фермы.

— Мне нужен ход, — сказал он. — Не материк. Пол-оборота винта, чтобы развернуть третью платформу под ветер. Иначе люди будут висеть над водой, когда след придёт к корме.

— Сколько до выхода?

— Двадцать минут на крепления. Сорок на замену, если ось не повело. Если повело — море само решит, сколько.

Нис проверил зелёную отметку за кормой.

— След в девятистах саженях. Скорость выросла после сигнала.

— Значит, маяк и след связаны, — сказал Леон.

— Значит, два события совпали по времени.

Ада сняла переговорную пластину с фиксаторов. На обратной стороне темнело клеймо береговой Службы и год выпуска — на один год позже исчезновения «Ладоги». Она протянула пластину Нису.

— В изолирующий ящик. Не подключать к общей сети.

— Мы только что получили связь, — сказал Мик.

— Мы получили два взаимоисключающих указания от одного позывного.

— Для ремонта мне всё равно нужен поворот.

— Получишь, если основание не поведёт нас к одному из них.

Мик сжал губы, но кивнул. Он не соглашался; он принимал границу задачи. Ада ценила это различие сильнее послушания.

Леон поднял свой измеритель левой рукой. Правая после лаза распухла под повязкой, и застёжка ремня не поддалась ему с первого раза. Ада удержала деревянный ящик за нижний край. Он замер, затем позволил ей снять вес, не передавая прибор целиком.

— Две проверки, — сказала она. — Я определяю физическое направление сигнала по задержке на платформах. Вы — возраст и причину маршрута по остаточному следу. До записи выводами не обмениваемся.

— И третья проверка, — добавил Леон. — Мик запускает ремонт без навигационного курса. Если маяк попытается превратить технический поворот в маршрут, мы это увидим.

— Не на моей смене, — сказал Мик.

— Именно на вашей. Поэтому увидим.

Они разделили станцию поперёк. Ада отправилась по северным переходам, Леон — по южным. Нис остался в картографическом зале с двумя хронометрами, а Мик спустился к аварийной смене. Ни одна запись не должна была пройти через переговорную сеть.

На второй платформе Ада приложила механический слухач к опоре. Внутри понтона билось море, но поверх его тяжёлого ритма слышался тонкий металлический звон. Западный сигнал приходил сюда на две доли раньше, чем на корму. Северо-восточный — на три доли позже.

Она записала числа, перевернула страницу и повторила измерение другим слухачом.

Результат изменился.

Теперь оба сигнала приходили раньше, каждый со своей стороны.

Ада проверила пружину. Слухач был исправен. Она переставила его на соседнюю опору, и звон раздвоился: один шёл через металл, второй — через воду под днищем. Получалось, что первый маяк находился западнее станции, а второй отражался не с северо-востока, а снизу, от приближающегося маршрута.

Но позывной у них был один.

В переходе погас янтарный фонарь. За прозрачной стенкой вместо тёмного моря на миг возникла ровная береговая линия. Белые дома стояли на склоне, над причалом горел знакомый створный огонь Лиоры. Ада знала этот берег: оттуда она вышла шесть дней назад. Слишком далеко, чтобы видеть его даже при чистом горизонте.

Огонь мигнул трижды, протянул длинную вспышку и снова мигнул трижды.

Западный ответ.

На причале появилась фигура в форменном синем плаще. Элва Сор подняла руку, будто ждала, что Ада подойдёт ближе.

Ада закрыла глаза.

Это было недостаточно. Берег остался в голове — точный, удобный, снабжённый всеми подробностями, которые память могла предложить лжи.

Она ударила гаечным ключом по опоре.

Резкий звук вернул настоящий переход. За стенкой снова шла чёрная вода, а в ней, ближе прежнего, изгибалась зелёная полоса.

Ада записала видение в отдельную графу, не называя его сигналом. Потом сняла слухач и обнаружила на латунном ободе мелкую соль. Она лизнула крупинку кончиком языка. Горечь, железо, никакой обычной морской соли.

След уже касался платформы не только светом.

На третьей платформе ремонтники закрепляли наружную люльку. Мик стоял у ручного редуктора и диктовал порядок работ. Ни одного приказа о направлении он не отдал: только нагрузка, угол к волне, допустимое усилие. В механический контур были введены две причины поворота — укрыть люльку корпусом и снять давление с повреждённого шарнира.

— Начинаем на четверти, — сообщил он Аде. — Если контур попросит курс, останавливаю.

— Если почувствуете берег, тоже.

— Я каждый день чувствую берег. Там мастерская, где инструменты лежат на местах.

— Не тот берег.

— Других мне не надо.

Мик положил ладони на рукояти. Двое ремонтников на наружной ферме подняли пальцы: готовы. Редуктор щёлкнул.

Нижний винт провернулся на четверть оборота.

Станция дрогнула, но не повернула. В воде за кормой зелёный след повторил движение винта, словно невидимая лопасть крутилась и там.

— Ещё четверть, — сказал Мик.

Второй щелчок отдался в опорах. На шкале направления выступили две стрелки. Одна указала запад. Другая — северо-восток.

Мик мгновенно отпустил рукоятку.

— Контур просит курс.

— При двух независимых ремонтных основаниях? — спросила Ада.

— Он их принял. А потом предложил выбрать, куда ремонтироваться.

Один из людей на ферме постучал по стеклу и показал вниз. Под люлькой из воды поднимались тонкие зелёные нити. Они обвивали сломанную лопасть, не касаясь целой оси.

След помнил повреждение.

— Людей внутрь, — приказала Ада.

— Без замены лопасти мы не уйдём от восточного пояса.

— Если нити войдут в страховочные тросы, они унесут людей по маршруту, которого те не выбирали.

Мик коротко выругался без слов, одним выдохом. Потом подал знак возвращаться. Первый ремонтник уже подтягивался к шлюзу, когда люлька качнулась в сторону зелёной полосы.

Не по волне.

Второй человек, Таро, ударился коленом о ферму и выпустил направляющую. Люльку развернуло. Страховочный трос натянулся поперёк края, ещё немного — и крепление срежет.

Ада схватила свободный конец лебёдки. Мик навалился рядом. Чтобы втянуть люльку, надо было дать редуктору ещё четверть оборота — то самое движение, которое контур уже превратил в выбор курса.

— Моя причина — вернуть Таро за внутреннюю границу, — сказал Мик.

— Моя — разгрузить его трос до разрушения крепления.

Они повернули рукоятку вместе.

На шкале снова выросли две стрелки. Западная дрогнула. Северо-восточная рванулась вперёд, пытаясь принять их усилие за согласие.

— Не выбирай, — сказала Ада сквозь зубы.

— Я и не выбираю.

— Я контуру.

— Тогда говори громче.

Они провернули редуктор назад. Люлька ударилась о борт. Таро успел перекинуть руку через поручень, Мик поймал его за куртку и втащил в шлюз. Следующая зелёная нить хлестнула по стеклу снаружи и оставила на нём белёсый шрам.

Все оказались внутри. Мик закрыл створку и лишь после этого отпустил Таро.

— Ремонт окончен, — сказал он.

— Отложен.

— Нет, Ада. Окончен. Снаружи мы лопасть не сменим, пока эта дрянь знает, что именно сломано.

Это означало, что у них осталось меньше пяти часов до восточного пояса и не было исправного хода. Два маяка предлагали спасение. Любой разумный руководитель выбрал бы менее опасный путь и принял риск ошибки.

Именно на это рассчитывала ловушка.

Когда Ада вернулась в картографический зал, Леон уже ждал у стола. Перед ним лежала закрытая серая книжка. Он промок до пояса: южный переход захлестнуло через вентиляционные щели. С его волос капало на пол, повязка на правой руке потемнела.

— Сева вас убьёт, — сказала Ада.

— После маяка.

— Она не любит очередей.

Нис принёс два чистых листа и поставил между ними непрозрачную перегородку. Ада перенесла результаты из синей книжки. Леон писал левой рукой медленно, но не попросил помощи. Закончив, оба сложили листы втрое и передали Нису.

Он прочитал первый.

— Физический источник западного сигнала: неизвестный объект за линией горизонта. Второй сигнал проходит через воду и поднимается из течения-эха. Позывные совпадают, порядок импульсов зеркальный. Оба вызывают образ материка. Автор — Ада.

Развернул второй.

— Западный маршрут старше «Дрейфа» не менее девяти лет. Северо-восточный создан сегодня, но несёт отпечаток того же решения. Оба обещают возвращение к берегу; ни один не содержит причины, по которой берег должен быть достигнут. Автор — Леон.

Мик опёрся ладонями о стол.

— Говорите проще.

— Один маяк принадлежал «Ладого», — сказал Леон. — Или был настроен на её маршрут. След скопировал его ответ, когда приблизился к нашим понтонам.

— Как новый сигнал может быть старым?

— Он не старый. Он повторяет старое желание вернуться без решения, ради чего и какой ценой.

Ада посмотрела на две нанесённые Нисом линии. Западный курс пересекал пояс мелей, которых не было на текущей карте. Северо-восточный вёл через место завтрашнего несостоявшегося столкновения. Оба заканчивались одной отметкой — Лиорой. Расстояния различались почти вдвое.

— Проверим позывной по архиву, — сказала она.

Нис принёс бумажный реестр. Береговые маяки меняли коды каждый сезон, но списанные сигналы сохранялись на случай обнаружения дрейфующих приборов. Они листали втроём, не доверяя переговорной сети. Позывной нашёлся в конце старого раздела.

«ЛА-4. Автономный кормовой маяк. Станция „Ладога“. Назначение: отметить маршрут возвращения после отделения внешних платформ».

Строка о списании была зачёркнута. Поверх неё другой рукой вписали: «Корпус не обнаружен».

— Вторая платформа, четвёртая и шестая, — сказал Нис. — Три понтона «Ладоги» у нас. А маяк был кормовым.

— Значит, где-то впереди может быть ещё одна её секция, — сказал Мик.

— Или маршрут ведёт нас туда, где секция должна была оказаться, — ответил Леон.

Ада заметила, как он прижал повреждённую руку к краю стола. Для него западная линия была не просто возможным спасением. Она могла привести к остатку станции, журналу Мары, объяснению девяти лет ожидания. Он не произнёс этого вслух и не выдал желание за навигационную причину.

— Вы верите западному ответу? — спросила она.

— Я верю, что он старше второго.

— Это не ответ.

— Именно.

Нис поднял голову от сетки.

— Расстояние до следа — четыреста десять саженей.

— Время?

— При нынешнем сближении — сорок минут. До восточного пояса четыре часа двадцать семь минут.

Мик постучал пальцем по западной линии.

— На одном винте мы можем дать малый ход. Западный курс выведет нас из-под ветра, и я попробую ремонт с тихой стороны.

— А северо-восточный? — спросила Сева от двери.

Она вошла с сухой повязкой и посмотрела на Леона так, что тот без спора протянул руку.

— Короче до берега, — сказал Нис. — Но проходит через отметку рифа.

— Тогда запад.

— Западный маяк девять лет ждёт станцию, которая не вернулась, — сказала Ада.

Сева размотала мокрую ткань с Леоновой кисти.

— Я врач. Если у меня два лекарства, одно новое и ядовитое, а второе старое и просроченное, я не оставляю больного без помощи только потому, что оба плохи.

— Вы выясняете, что с ним, — ответила Ада.

— Пока выясняю, он может умереть.

— Поэтому вы измеряете состояние, а не доверяете надписи на флаконе.

Сева перевязала последний виток ту же, чем требовалось.

— Сорок минут на измерения.

Это не было согласием. Но и приказа идти к берегу она не потребовала.

В картографический зал стали приходить старшие смен. Оранжерея, водосбор, кухня, наружный настил, машинный ярус. Ада могла принять решение сама: после потери связи полномочия временной руководительницы позволяли выбрать аварийный маршрут. Но любой курс существовал лишь при двух причинах, а маяк как раз предлагал им одну общую — вернуться.

Она рассказала только проверенное. Два направления. Один старый физический источник и одна новая копия в следе. Неисправная лопасть. Срок до восточного пояса. Срок до контакта.

— Что будет при контакте? — спросила Лета из оранжереи.

— Не знаем, — сказала Ада.

— Тогда почему стоим?

— Чтобы не превратить ремонт, страх или желание попасть домой в согласие на ложный путь.

— А если путь настоящий?

Леон ответил раньше Ады:

— Настоящее направление без причины — не маршрут. Это тяга.

— Красивые слова, — сказал повар Тин. — У меня двадцать семь человек и воды на двенадцать дней. Куда тянет запад?

— К возможному остатку «Ладоги», — сказал Леон. — И, возможно, к журналу моей сестры.

Он мог промолчать. Западный курс уже казался безопаснее, и его личная причина легко спряталась бы внутри общего решения. Леон положил её на стол отдельно, сделав непригодной для навигационного согласия.

Ада увидела, как изменились лица. Не доверие — ещё нет. Но подозрение получило точные границы.

— Северо-восток проходит через риф, которого не было на карте, — продолжила она. — Моя модель предсказывала там безопасный коридор. Если выбрать его, я смогу доказать, была ли ошибка в данных или в расчёте. Это моя личная причина. Она тоже не должна вести станцию.

Теперь оба курса лишились самых сильных защитников.

Мик провёл ногтем по шву стола.

— Третье решение — стоять. Через четыре часа нас потащит в восточный пояс без нижней лопасти.

— Стоять тоже курс, — сказала Лета.

— Нет, — возразил Нис. — Остановка сохраняет положение, но не обещает исхода.

— Очень утешительно.

— И всё же это различие.

Снаружи прозвучал низкий удар. Не волна: все лампы мигнули одновременно. Зелёная линия дошла до кормового понтона.

Мёртвая пластина внутри изолирующего ящика ответила тремя короткими ударами.

Потом длинным.

Потом снова тремя короткими.

Западный маяк.

Сразу следом металл под полом выстукал зеркальную последовательность.

Северо-восточный.

Люди в зале повернули головы сначала к ящику, затем к полу. Между двумя сигналами станция натянулась, как канат в руках невидимых соперников. На сетке обе стрелки начали расти.

— Они требуют ответа, — сказал Нис.

— Нет, — произнесла Ада. — Они проверяют, какая наша причина станет общей.

Она подошла к механическому контуру. Для запуска тяги требовались две независимые формулировки. Для полной аварийной остановки — три: безопасность людей, сохранность станции и отказ от навигационного решения до появления проверяемого основания.

Первую мог дать Мик.

— Останавливаю механизмы, потому что внешний ремонт угрожает смене, — сказал он и повернул свой ключ.

Вторую дала Сева:

— Останавливаю внешние работы, потому что след воздействует на страховочные линии и вызывает навязанные образы.

Оставалась третья. Ада имела право произнести её как руководительница, но тогда решение снова стало бы её единой картой, подтверждённой подчинёнными.

Она вынула ключ из гнезда и положила на стол.

— Третью причину выбирает тот, кому выгоднее всего уйти сейчас.

Леон посмотрел на западную линию. Там мог быть маяк Мары. Ещё один понтон. Журнал. Всё, ради чего он поднялся на «Дрейф» под ложным предлогом.

Зелёный свет проступил в швах пола и поднялся по ножкам стола. На миг зал наполнился запахом мокрого жёлтого плаща — старой шерсти и дождя. Леон закрыл глаза. Ада не коснулась его, хотя расстояние между ними стало меньше шага.

Он открыл серую книжку, вырвал чистую страницу и положил поверх западного курса.

— Отказываюсь от навигационного решения, потому что маяк предлагает мне желаемое доказательство и не позволяет проверить цену возвращения.

Он повернул третий ключ.

Контур сопротивлялся. Обе стрелки упёрлись в ограничители, металлические жилы под стеклом вспыхнули белым. Затем один за другим закрылись клапаны тяги. Замолчал оставшийся винт. Остановились насосы наружной регулировки. Станция отдала океану всякое собственное движение.

Западная стрелка треснула посередине.

Северо-восточная рассыпалась зелёной пылью.

Удар следа пришёл не с кормы, а снизу.

Пол поднялся и опустился. Люди удержались за стол и стены. Изолирующий ящик сорвало с креплений; Ада поймала его обеими руками. Внутри пластина билась, как запертая птица. Ещё один толчок прошёл по платформам, всё слабее от шестой к первой.

Потом стало тихо.

Нис первым вернулся к сетке.

— След под нами.

— Сближение? — спросила Ада.

— Ноль.

— Скорость относительно станции?

Он переставил шкалу, проверил хронометр и не поверил результату. Проверил снова.

— Ноль.

Зелёная линия не ударила в станцию и не прошла дальше. Она остановилась под сцепленными понтонами, точно совпав с их длиной. Вода вокруг стала гладкой, хотя за пределами света волны продолжали идти к востоку.

Мик посмотрел в нижнее окно.

— Оно держит нас.

— От восточного пояса? — спросила Лета.

— От всего.

На сетке исчез боковой дрейф. Впервые с момента потери берега «Дрейф» имел точное положение. Не потому, что нашёл правильный курс. Потому, что отказался от обоих.

Сева закончила узел на Леоновой повязке.

— Сколько у нас теперь времени?

— Пока след считает остановку незавершённым маршрутом, — сказал он.

— То есть не знаете.

— Не знаю.

— Учитесь у Ады. Она произносит это короче.

Напряжение в зале лопнуло неровным смехом. Не облегчением — правом снова дышать. Мик отправил людей проверять швы, Нис начал новый отсчёт, старшие смен разошлись по постам. Никто не назвал остановку спасением.

Ада отнесла изолирующий ящик в комнату проверки памяти. Это было единственное помещение без окон и общей металлической стены: его построили для разбора противоречивых показаний после аварий. Внутри стояли два стула, два письменных столика и песочные часы между ними.

Леон остановился в дверях.

— Вы хотите проверить образ берега.

— И момент потери связи. Оба маяка использовали то, что каждый из нас считает вращением. Нужно выяснить, где наши версии расходятся, прежде чем след попытается соединить их сам.

— Сейчас?

— Пока станция стоит.

Он посмотрел на два стула, разнесённых так далеко, что сидящие не могли видеть записи друг друга.

— Мара проводила такие проверки после аварии на «Ладоге».

— Это причина отказаться?

— Причина не считать комнату нейтральной.

— Запишите её до входа.

Леон достал серую книжку. Ада открыла синюю.

За их спинами неизвестный маяк снова послал ответ с запада. След под станцией отозвался с северо-востока. Но теперь между двумя последовательностями возникла пауза — ровно настолько долгая, чтобы в неё мог поместиться человеческий выбор.

Ада вошла первой и не стала придерживать дверь.

Леон вошёл следом сам.

Глава 4. Комната без горизонта

Комнату проверки памяти строили так, чтобы ни один внешний предмет не мог подсказать свидетелю, где он находится и куда движется станция. Здесь не было иллюминаторов, труб общей связи, часов с береговым циферблатом. Даже стены не соприкасались с наружным металлом: между двумя оболочками лежали пробка, сухой песок и шерсть морского зверя. Океан можно было услышать только тогда, когда он решал не считаться с человеческой изоляцией.

Ада закрыла дверь и положила синюю книжку на левый столик. Леон занял правый. Между ними стояла ширма высотой по плечо; видеть можно было только чужие ботинки и руку, если она тянулась к песочным часам.

— Правила помните? — спросила Ада.

— Я реставратор. Я их нарушаю профессионально и только после описи.

— Тогда опись. Мы не обсуждаем содержание, пока оба не закончим. Не задаём наводящих вопросов. Отделяем ощущение от события, событие от вывода. Если предмет в комнате отзывается, не касаемся его одновременно.

— И не пытаемся согласовать формулировки.

— Особенно формулировки.

Она перевернула песочные часы. Белый песок побежал вниз.

Снаружи, далеко за двойной стеной, кормовой маяк послал три коротких удара, длинный и снова три коротких. След под станцией ответил после паузы. В комнате оба сигнала звучали одинаково глухо, будто приходили не с разных сторон, а из двух времён.

Ада открыла книжку на чистой странице и написала: «Последняя подтверждённая минута береговой связи».

Она помнила её слишком хорошо.

В картографическом зале пахло горячей медью. На обзорном стекле дождь шёл снизу вверх — знак встречного потока, который её модель не предусматривала. Нис диктовал поправки, Мик требовал снизить тягу, а береговая пластина светилась ровным янтарным кругом. Элва Сор была на связи. Голос куратора приходил с обычной задержкой в семь вдохов.

«Дрейф», подтвердите коридор К-двенадцать».

Ада подтвердила. Она видела на карте безопасную полосу между двумя штормовыми фронтами и знала, что данные нужны островам. Потом на сетке возник риф, которого не должно было быть. Не отметка — физическая белая гряда прямо по курсу. Ада потребовала независимую причину отмены. Берег ответил раньше, чем истекли семь вдохов:

«Не отменять. Риф — отражение. Сохраняйте передачу».

Именно невозможная скорость ответа заставила её поднять нож к жиле связи.

Ада записала каждое движение: правая рука на рукояти, левая удерживает крышку канала; Нис произносит вторую причину; Мик — третью. Затем она режет медную оплётку. Янтарный круг гаснет. Только после этого станция принимает ручную поправку и проходит рядом с настоящим рифом.

Она остановилась.

В памяти был звук — тонкий, почти музыкальный. Не треск перерезанной жилы. Что-то прозвенело мгновением раньше, когда Элва произнесла «сохраняйте».

Ада пометила звук как ощущение без установленного источника и продолжила. Задача проверки состояла не в том, чтобы сделать воспоминание убедительным. Чем убедительнее становилась версия, тем опаснее было доверять ей без второго основания.

За ширмой перо Леона двигалось рывками. Иногда он надолго замирал. Ада слышала, как ноготь его большого пальца цепляет край серой книжки. Раненая правая рука лежала неподвижно на колене.

Песок истёк.

— Закончила, — сказала Ада.

— Ещё минуту.

Она не перевернула часы. Дополнительное время тоже следовало оставить частью записи. Леон дописал строку и закрыл книжку.

— Закончил.

Теперь им предстояла проверка предметом. В нише под песочными часами лежали семь пластинок: медь, стекло, дерево, кость, соль, сухая водоросль и чёрный металл старой платформы. Свидетель выбирал материал, который сильнее всего соответствовал моменту события, и клал на свою половину стола. Если воспоминание удерживало действительную причину маршрута, материал менялся. Не показывал прошлое и не называл правого. Лишь принимал след причины.

Ада выбрала медь.

— Выбрала, — сказала она.

— Я тоже.

— Медь?

— Это уже вопрос о содержании.

Ада убрала руку. Подождала, пока за ширмой стихнет шорох. Затем положила пластинку перед собой.

Медь была тёплой. По тусклой поверхности пробежала янтарная полоса и оборвалась посередине, как береговой сигнал после удара ножа. На срезе выступила капля чистой воды.

Ада записала изменение. Вода не скатилась, хотя стол чуть накренился. Станция по-прежнему лежала на следе и не дрейфовала, но океан под ней начал медленно поворачивать весь сцепленный корпус.

— У вас? — спросила она.

— Изменение есть.

— Запишите без толкования.

— Уже.

Они обменялись листами через щель под ширмой, не книжками. Ада получила текст, написанный левой рукой. Первые строки были ровными; дальше буквы вытягивались, будто автору приходилось догонять собственную память.

«Последняя подтверждённая минута береговой связи.

Я нахожусь в нижнем переходе третьей платформы. Поднимаюсь к картографическому залу после осмотра старого понтона. Общая связь действует. Слышу голос Элвы Сор через настенную пластину: „Дрейф, подтвердите коридор К-двенадцать“.

Ответа Ады не слышу. Вместо него береговая пластина повторяет запрос через семь вдохов. На пятом вдохе в старом металле возникает звон. Понтон показывает мне женщину в жёлтом плаще — Мару. Она стоит у люка „Ладоги“ и держит оборванную жилу.

Мара говорит: „Если они ответят, связь оборвётся“.

На седьмом вдохе Ада подтверждает коридор. Голос проходит по станции, но не уходит к берегу. Я понимаю это по пластине: янтарный свет поворачивается внутрь, к понтонам. Берег уже не слышит нас.

Затем появляется риф. Ада требует причины отмены. Из пластины отвечает голос Элвы: „Не отменять. Риф — отражение. Сохраняйте передачу“. Это не ответ берега. Это отвергнутый маршрут использует последний принятый голос.

Я бегу наверх. До картографического зала не успеваю. Ада перерезает жилу, после чего внутренняя копия замолкает. Физическая связь была потеряна раньше — в момент её подтверждения».

Ада прочитала дважды. На третий раз слова не изменились.

— Вы слышали мой ответ, — сказала она.

— Да.

— Я помню, что берег принял его.

— Откуда вы знаете?

— Элва ответила раньше положенной задержки.

— Именно поэтому я решил, что ответ был внутренним.

Они замолчали. Простая ошибка ещё оставалась возможной. Разные помещения, разная слышимость, нарушение задержки из-за погоды. Даже образ Мары мог быть воздействием старого понтона. Но предмет проверки не подтверждал последовательность ощущений. Он отзывался на причину.

— Что вы выбрали? — спросила Ада.

Ширма сдвинулась. Не рукой Леона. Её нижний край сам прошёл по каменному пазу, открывая оба стола.

Перед Леоном лежала медная пластинка.

Она тоже была рассечена янтарной линией, но свет шёл от центра к краям. На поверхности стояла капля воды. Не сверху — снизу: вода проступила сквозь медь и висела под пластинкой, не падая.

Две одинаковые вещи удерживали противоположные направления.

Леон посмотрел на пластинку Ады, потом на свою.

— Вы не лжёте, — сказал он.

— Комната не проверяет ложь.

— Нет. Она проверяет, может ли причина держать маршрут. Ваша держит.

— И ваша.

Это признание далось ей тяжелее, чем ожидалось. Ошибку можно было найти и исправить. Ложь — разоблачить. Но если физическая связь оборвалась для Леона в момент подтверждения, а для Ады продолжалась до удара ножа, то они жили не с разными объяснениями одного события. Само событие имело два действительных края.

Ада встала и осмотрела нишу. Печати целы. Запасные пластинки не изменились. На стенах не было зелёного света следа.

— Повторяем с контрольным моментом, — сказала она. — Не связанным с потерей берега.

— Каким?

— Ваш приход на станцию. Вы помните, кто первым назвал ваше имя?

— Вы. На верхней палубе.

— Я помню Ниса у шлюза.

— Значит, хороший контроль.

Они снова раздвинули ширму. Записали по пять предложений, выбрали дерево. Обе пластинки пахли смолой и показали один и тот же рисунок волокон: Нис произнёс имя Леона у шлюза, Ада повторила его на верхней палубе. Различие оказалось обычным — каждый считал первым обращение, услышанное лично. Магия не удержала две версии. Волокна сошлись в одну линию.

— Комната исправна, — сказал Леон.

— Пока только на этом вопросе.

— Вы всегда оставляете себе ещё одну проверку?

— Пока остаётся ещё одна причина ошибиться.

— А когда причин нет?

— Тогда мы плохо искали.

Он улыбнулся не ей, а формулировке, как инструменту, который наконец лёг в руку. Это раздражало меньше, чем должно было.

Из-под пола пришёл скрежет. Песочные часы качнулись. Верхняя колба треснула тонкой белой нитью, но песок не высыпался.

Ада приложила ладонь к внутренней стене. За пробкой что-то медленно натягивалось.

— Станцию разворачивает, — сказала она.

— След держит длину понтонов, но не направление.

— Если нос станет поперёк волны, удар придётся в повреждённый шарнир.

Она потянулась к дверной ручке. Та не повернулась.

Леон проверил нижний запор.

— Механизм свободен. Дверь держит снаружи.

— Давление?

— Или геометрия.

По шву стены прошла янтарная линия. Вторая возникла напротив и двинулась навстречу первой. Комната, созданная без горизонта, получила сразу два. Пол под столом Ады наклонился к двери. Под Леоном — от двери. Между ними образовался едва заметный излом.

Медные пластинки поползли каждая вниз по собственной плоскости.

Ада поймала свою. Леон прижал свою локтем, и боль отдалась у него в лице.

— Не правой рукой, — сказала она.

— Сейчас это не главная переменная.

— Для Севы — главная. Держите стол.

Она сняла крышку ниши и достала контрольную соль. Крупные кристаллы обычно осыпались по фактическому уклону, показывая свидетелям, если магия памяти искажала чувство равновесия. Ада высыпала щепоть на линию излома.

Половина соли покатила к двери. Половина — к задней стене.

— Это не ощущение, — сказала она.

— Наши версии начали задавать комнате положение.

— Почему сейчас? В прошлых проверках такого не было.

— Потому что раньше станция имела один физический маршрут, даже если свидетели спорили о причине. Теперь под нами лежит отвергнутый путь, который не выбрал направление. Мы дали ему два истинных момента начала.

Снаружи ударил колокол аварийного контура: один раз, затем ещё два с разными промежутками. Сигнал сам раздвоился.

Ада постучала по двери кодом комнаты проверки — четыре равных удара. Ответ пришёл от Мика, но последние два удара прозвучали из противоположной стены.

— Они не знают, где наша дверь, — сказал Леон.

— Дверь на месте.

— Для нас.

По янтарным линиям проступили изображения. Слева — картографический зал в ту минуту, какой его помнила Ада: береговая пластина светилась наружу, нож ещё не коснулся жилы. Справа — нижний переход Леона: свет пластин был обращён внутрь, к старому понтону. Оба пространства тянули комнату к себе.

Ада увидела собственную спину у карты. Леон — себя на лестнице. Между двумя изображениями не было двери, только медный канал связи, целый с одной стороны и уже оборванный с другой.

— Не смотрите на Мару, — сказала Ада.

Женщина в жёлтом плаще стояла в правом изображении у люка. Лица не было видно.

— Я и не смотрю.

Он смотрел.

— Леон.

— Если это память понтона, она может знать, где находится маяк.

— А если это средство выбрать западный край комнаты, мы потеряем второй.

— Вы хотите сохранить оба?

— Я хочу выйти.

Он отвернулся от жёлтого плаща. Изображение не исчезло, но перестало приближаться.

Ада открыла синюю книжку и перечитала собственную запись. Там была причина перерезать жилу: невозможный ответ Элвы. В версии Леона та же реплика доказывала, что связь уже была потеряна. Один признак подтверждал противоположные выводы.

— Мы задали событию два начала, — сказала она. — Нужно найти следствие, общее для обоих, не объединяя причины.

— Риф?

— Он появился после потери связи в обеих версиях.

— Но для меня его показала внутренняя копия маршрута. Для вас — береговая ошибка.

— Это причины. Следствие одно: мы отменили курс.

— Не одно. Вы отменили береговой приказ. Я считал, что берегового приказа уже нет.

Излом в полу стал шире. Столики разъехались на палец. Стена за Леоном покрылась влагой; за Адой медь нагрелась так, что воздух запахом грозой.

— Тогда не отмена, — сказала она. — Физическое действие. Я перерезала жилу.

— Видел результат, не действие.

— Нис и Мик видели.

— Их здесь нет.

Ада подняла глаза. В этом и состояла ловушка комнаты: она требовала двух независимых оснований, но запирала ровно двоих, чьи основания расходились.

— Есть действие, которое совершили мы оба, — сказал Леон. — После потери связи.

— Вы вошли в картографический зал уже после манёвра.

— Но мы оба записали отказ от курса. Вы — в синюю книжку, я — в серую. Раздельно.

— Записи не одновременны.

— Для маршрута важна не одновременность. Важна независимость причин.

Ада поняла, что он предлагает. Не свести прошлое к общей версии, а построить из двух версий первое совместное следствие.

— Если мы назовём общий отказ, след может принять его за новый маршрут.

— Тогда не называем направление.

— Только границу.

— Связь потеряна не позднее удара ножа и не раньше моего пятого вдоха.

— Это промежуток, а не причина.

— Зато честный.

Комната накренилась сильнее. Песочные часы упали, но Леон поймал их левой рукой. Трещина в колбе раскрылась. Несколько песчинок зависли между двумя наклонными полами.

Ада положила синюю книжку на линию излома. Леон — серую рядом. Они не обменялись ими и не открыли чужую запись.

— Я сохраняю свою версию: берег слышал нас до перерезания жилы, — сказала Ада. — Причина отказа — невозможный ответ куратора и реальный риф.

Янтарная линия слева стала ярче.

Леон положил ладонь на серую обложку.

— Я сохраняю свою версию: берег перестал слышать нас после подтверждения курса. Причина отказа — внутренний голос отвергнутого маршрута и предупреждение старого понтона.

Правая линия вспыхнула.

Столы потянуло в разные стороны.

— И мы оба признаём границу, — продолжила Ада. — После удара ножа физической связи не было ни в одной версии.

— А до пятого вдоха она была в обеих, — сказал Леон.

Между книжками проступила узкая тёмная полоса. Не янтарная и не зелёная. Цвет отсутствовал, как в щели закрытого глаза.

Пол перестал расходиться.

Изображения на стенах отступили. Женщина в жёлтом плаще подняла руку — не к Леону, а к медному каналу между двумя картинами. На её запястье блеснула плоская катушка. Такая же, какую Ада видела в коробе нижней лопасти во время ремонта.

Потом обе стены погасли.

Дверь открылась наружу сама.

Мик стоял в коридоре с ломом. За ним Нис держал фонарь и лист картографической сетки. На листе было две схемы станции, наложенные под углом.

— Вы были здесь? — спросил Мик.

— Где ещё? — ответила Ада.

Он показал на дверь.

Снаружи номер комнаты читался как «Шесть». Коридор принадлежал шестой платформе. Но проверочная находилась на третьей, рядом с картографическим залом.

Ада вышла и оглянулась. За открытой дверью оставалась знакомая комната: два стола, ширма, разбитые песочные часы. Справа по коридору виднелся наружный люк шестой платформы и красная отметка аварийного шва.

— Сколько времени? — спросил Леон.

— Одиннадцать минут, — сказал Нис. — После вашего входа комната исчезла с третьей платформы. Потом появилась здесь. Одновременно. На схеме были обе, но открыть нельзя было ни одну.

— Положение станции?

Нис развернул второй лист. Продольная ось «Дрейфа» изогнулась. Не на бумаге — по показаниям четырёх независимых отвесов.

— Нос ориентирован на западный маяк, корма — на северо-восточный след. Средние платформы сохраняют прежнее направление.

— Невозможно, — сказал Мик. — Шарниры не дают такого угла.

Из глубины станции донёсся протяжный стон металла.

Красная отметка на шве рядом с ними стала белой.

Ада опустилась на колено. Между плитами появилась щель толщиной с ноготь. Из неё тянуло холодом и запахом старой водоросли. Под настилом натягивался связующий трос шестой платформы.

— След не выбрал одну версию, — сказала она. — Он дал каждой свою часть станции.

— И теперь обе части считают себя целыми, — добавил Леон.

Мик выругался без слов и бросился к аварийному шкафу. Нис ударил в общий колокол: три быстрых, два долгих — разрыв платформенного шва.

Люди ответили с носа и кормы, но сигналы пришли в разном ритме. Для одной половины станции тревога уже прозвучала. Для другой ещё только должна была прозвучать.

Леон присел рядом с Адой и коснулся края щели левой рукой. Чёрный металл понтона дрожал, как струна.

— Катюшка у Мары, — сказал он. — Вы видели?

— Видела.

— Такая стоит в приводе нижней лопасти.

— И в узле старого шарнира, если паспорт не лжёт ещё в одном месте.

Щель расширилась. Где-то ниже лопнул первый внешний болт.

Ада поднялась.

— Проверим потом. Сейчас ваша версия держит корму, моя — нос. Если кто-то попытается выровнять станцию по одной карте, вторую половину оторвёт.

— Значит, два расчёта.

— И ни один не увидит оснований другого.

Леон посмотрел на неё. В закрытой комнате они доказали, что не могут разделить одно прошлое. Теперь им предстояло доверить друг другу по половине настоящего.

Второй болт оборвался с сухим пушечным звуком.

Шестая платформа ушла вниз на ладонь.

— К шву, — сказала Ада.

Они побежали в разные стороны.

Глава 5. Шов платформ

Первым правилом разрыва было не бежать к разрыву.

Ада поднялась на третью платформу, к носовой группе. Леон остался на шестой, у кормового узла. Между ними лежали три сцепленных понтона, две версии положения станции и переговорная сеть, которая могла превратить любой приказ в его преждевременное эхо.

— Общую связь не включать, — приказала Ада Нису. — Только механические колокола. Нос отвечает нечётными ударами, корма — чётными.

— Если сигналы раздвоятся?

— Считаем действительным тот, после которого натяжение изменилось на наших приборах.

— То есть следствие вместо источника.

— Именно.

Мик уже открыл шкаф швартовочных расчётов. На стол легли три шкалы: угол между платформами, натяжение продольного троса, высота волн. Первая показывала четыре градуса. Вторая — девять. Третья стрелка ходила сразу по двум делениям.

— Шарнир должен был заклинить на двух, — сказал Мик.

— Он и заклинил. Для носа.

— А корма считает, что мы ещё прямые?

— Корма считает прямой другую линию.

Металл под ногами вздрогнул. Из кормы донёсся один удар, затем второй. Чётный сигнал Леона: натяжение растёт.

Ада нанесла на лист носовую ось и закрыла половину схемы чистой бумагой. Ей нельзя было рассчитывать всю станцию. Полный расчёт неизбежно выбрал бы одну геометрию и заставил вторую подчиниться.

— Передайте на шестую: я удерживаю платформы с первой по третью. Граница — середина четвёртого понтона. Леон удерживает с шестой по четвёртую. Ни одна группа не задаёт угол пятой.

Нис ударил в колокол: один, пауза, три, пауза, один. Граница расчёта.

Ответ пришёл двумя ударами. Принято.

— А пятая? — спросил Мик.

— Должна остаться без хозяина.

— У неё сорок тонн водосбора и кухня.

— Людей вывести. Массу оставить.

Мик посмотрел так, будто она предложила выбросить за борт саму идею инженерии.

— Масса рвёт шов.

— Масса не даёт следу решить, какая половина легче и должна повернуться первой.

Он проверил шкалы и нехотя кивнул.

По настилу побежали люди. Лета выводила ночную смену оранжереи, Тин тащил короб с ножами, Сева ругалась на техника, пытавшегося вернуться за сапогами. Ада не вмешивалась. Её задачей была носовая половина.

Она дала малое давление в первый балластный мешок. Нос опустился на четверть локтя. Натяжение троса упало с девяти делений до восьми, затем вернулось к девяти.

С кормы прозвучали четыре удара: Леон начал собственную разгрузку.

— Он не знает, что мы сделали, — сказал Нис.

— И не должен.

— А если его расчёт требует обратного?

— Тогда граница покажет.

На четвёртом понтоне стояли два отвеса, разделённые ладонью. Левый передавал положение носа, правый — кормы. Между ними висела свободная игла без шкалы. Пока два расчёта не мешали друг другу, игла оставалась вертикальной.

Она качнулась к западу.

Ада прекратила заполнение мешка. Игла вернулась.

— Он поднял корму, — сказал Мик.

— Не угадывайте его действие. Мы знаем только, что наше опускание пересекло границу.

— Инженеры называют это одним и тем же.

— Сегодня нет.

Они выбрали второй способ: не менять высоту, а ослабить боковую растяжку первой платформы. Для обычного шторма это было бы безумием. Сейчас нос должен был перестать передавать корме собственное представление о прямой линии.

Мик повернул ворот на один зуб. Трос запел. Шкала угла упала с четырёх градусов до трёх.

Свободная игла осталась вертикальной.

— Ещё зуб, — сказала Ада.

— Потеряем запас.

— Получим независимость.

Второй зуб. Носовая платформа качнулась, приняла волну боком и вернулась. Угол стал два с половиной градуса.

С кормы пришли два коротких, два долгих: граница устойчива.

Впервые за время аварии Ада позволила себе вдохнуть полностью.

Потом из-под настила ударил оборванный конец троса.

Он пробил деревянную решётку в двух шагах от Ниса. Мик сбил мальчика на пол прежде, чем стальной хвост хлестнул обратно. Решётка разлетелась щепками.

— Цел? — спросила Ада.

Нис поднял ладони. На одной выступила кровь, но пальцы сгибались.

— Цел.

— К Севе.

— Я могу считать.

— Поэтому посчитаешь, сколько минут потеряешь от заражения. К Севе.

Он хотел спорить, но Мик уже потянул его за ворот.

Без Ниса механический обмен с кормой ложился на Аду. Она подошла к колоколу и передала: носовая боковая растяжка потеряна, граница сохраняется, требуется оценка кормового натяжения без числа. Числа могли заставить Леона перестроить расчёт под её модель.

Ответ задержался.

За это время шов раскрылся ещё на толщину монеты. Из щели поднялся зелёный свет. В нём проступили две тени платформы: одна поворачивалась на запад, другая — на северо-восток.

Наконец колокол ударил дважды, потом шесть раз. Корма удерживается, но приблизилась к собственной границе.

Ада закрыла глаза и представила не всю станцию, а только три носовые платформы. В её модели они были судном без кормы. У такого судна не было права сохранять направление — только плавучесть и нагрузку на край.

— Снимаем продольный трос с третьего крепления, — сказала она.

Мик обернулся.

— После боковой растяжки? Нас отвернёт.

— Пусть. Мы перестанем тянуть четвёртую за собой.

— А если Леон делает то же самое?

Вопрос повис между ними. Если обе группы одновременно освободят продольные связи, пятая платформа останется одна между расходящимися половинами и уйдёт под воду.

Ада могла спросить. Передать намерение, получить ответ, согласовать секунду. Именно так поступил бы любой экипаж при обычном разрыве.

Но их переговоры проходили через металл, уже умевший копировать желаемый ответ. А полное согласование превратило бы два независимых расчёта в один.

— Он не снимет, — сказала она.

— Откуда знаете?

— Не знаю. Доверяю его задаче. Кормовой узел повреждён сильнее; его расчёт должен сохранять продольную связь и освобождать поперечную.

— А если он решил, что мы сделаем наоборот?

— Тогда он доверил ту же границу мне.

Мик посмотрел на свободную иглу. Она стояла ровно.

— Вот ведь мерзкая у вас магия, — сказал он и взялся за ворот.

Они ослабляли трос медленно, по половине зуба. На третьем щелчке нос повернулся. На пятом океан ударил в борт. На седьмом натяжение шва упало сразу на два деления.

Свободная игла не дрогнула.

С кормы пришли два чётких удара.

Леон сохранил продольную связь.

Ада ответила одним.

Не благодарность. Подтверждение границы.

Мик зафиксировал ворот.

— Шов держится.

— Пока волна не изменится.

— Вы тоже учитесь у себя говорить короче.

Следующая волна пришла не с востока, а снизу. Пятая платформа поднялась, как грудь на вдохе. Свободная игла подпрыгнула и впервые легла поперёк шкалы.

Свет в щели стал белым.

На корме закричали.

Ада уже бежала к границе, когда колокол ударил шесть раз подряд — не сообщение Леона, а аварийный код: человек под узлом.

Она добралась до пятой платформы одновременно с Севой. Кухня была пуста, котлы закреплены, вода в них стояла под двумя разными углами. За наружным люком Мик и двое техников натягивали страховочную сеть. Внизу, между понтонами, висел Леон.

Его левая рука держала рычаг кормовой растяжки. Правая была зажата между скобой и корпусом. Если отпустить рычаг, корма повернётся и сомкнёт шов на его руке. Если продолжать держать, следующий подъём платформы вырвет скобу вместе с креплением.

— Почему он здесь? — спросила Ада.

— Кормовая растяжка не отпускалась изнутри, — ответила Сева. — Полез вручную.

— Конечно.

Леон поднял голову.

— Я слышу.

— Тогда слушайте. На счёт три отпускаете рычаг.

— Шестую поведёт к северо-востоку.

— Нос компенсирует.

— Вы не видите мой угол.

— И не собираюсь.

Его лицо было белым от холода и боли. Но спорил он не из упрямства. Он защищал свой расчёт от присвоения даже сейчас.

— Моя граница выдержит полтора деления, — сказал он.

— Моя — два.

Это были не основания. Только допустимые пределы. Их можно было сложить, не объединяя карты.

Ада повернулась к Мику.

— Освободить носовой трос ещё на три зуба после отпускания кормы. Не раньше.

— Волна через двадцать вдохов.

— Успеем.

Сева закрепила второй конец сети на поясе Леона. Техники заняли ворот. Ада встала у колокола, видимого снаружи.

Первый удар.

Леон переставил левую ладонь.

Второй.

Он посмотрел не на рычаг, а на Аду. Между ними не было общей схемы, общего прошлого или возможности проверить чужой расчёт. Только названные пределы.

Третий.

Леон отпустил.

Кормовая половина рванулась в сторону. Его правую руку высвободило, сеть подхватила тело. Одновременно Мик провернул ворот. Нос ушёл за волной, не сопротивляясь. Пятая платформа на мгновение оказалась между двумя независимыми движениями.

Потом оба движения исчерпались на границе.

Шов сомкнулся.

Не до конца: между плитами осталась ровная щель шириной в два пальца. Но белый свет погас. Отвесы по обе стороны четвёртого понтона показали разные углы, а свободная игла снова встала вертикально.

Станция не стала прямой. Она стала целой.

Сева и техники втянули Леона на настил. Повязка на правой руке была сорвана, пальцы опухли, но двигались. Сева проверила их один за другим.

— Если ещё раз полезете под сорок тонн с одной рабочей рукой, — сказала она, — я обеспечу вам две одинаково нерабочие. Для симметрии.

— Это будет унификация, — сказал Леон.

— Вот именно.

Ада села рядом, оставив между ними расстояние, достаточное для врачебной работы.

— Вы знали, что я освобожу продольный трос? — спросила она.

— Нет.

— Тогда почему сохранили свой?

— Потому что моя корма без него развалилась бы. А ваша задача была не дать носу тянуть границу.

— Вы доверились функции моего расчёта.

— Не основанию.

— Этого хватило.

Он посмотрел на неё устало и прямо.

— Сегодня.

Мик позвал их к открытому узлу. За сорванной скобой обнаружилась полость, которой не было на заводской схеме. Внутри, под слоями старой смазки, стояла плоская катушка. Медная лента была намотана в два противоположных направления, а между витками застряла полоска жёлтой ткани.

Леон не потянулся к ней.

Ада тоже.

На крышке катушки остались процарапанные буквы: «М. В.» Ниже — три даты. Последняя совпадала с днём исчезновения «Ладоги».

— Это не часть привода, — сказал Мик. — Она заставляла шарнир помнить два положения.

— Поэтому понтоны выдержали исчезновение станции, — сказала Ада.

— Или поэтому она исчезла, — ответил Леон.

Из глубины катушки донёлся сухой шелест. Между витками медленно вышла узкая лента водостойкой бумаги.

На ней почерком Мары Вар было написано:

«Мы ушли сами. Берег не должен получить единственную версию».

Ниже начиналась следующая строка, но её край всё ещё оставался внутри механизма.

Глава 6. Журнал утонувшей смены

Бумага выходила из катушки только тогда, когда никто её не тянул.

Мик подставил под узкую ленту ладонь. Влажный конец лёг на кожу, дрогнул и замер. Стоило ему чуть поднять руку, как внутри механизма сухо щёлкнуло, и медные намотки поползли навстречу друг другу.

— Не двигай, — сказала Ада.

— Я не двигаю.

— Ты дышишь.

— Это пока входит в мои обязанности.

Леон сидел у раскрытого шарнира, прижимая перевязанную руку к груди. Сева разрешила ему остаться при условии, что он не коснётся ни катушки, ни инструмента. Поэтому он касался всего взглядом: жёлтой нити между витками, двух прорезей на медном ободе, влажного края записи. Буквы Мары уже проступили полностью, но ниже первой строки виднелось лишь чёрное начало следующей.

Шестая платформа стояла под своим углом. Носовая половина станции — под другим. Между плитами сохранялась щель в два пальца, и каждый удар волны выдыхал через неё холодный зелёный свет.

— Если намотки сойдутся, что произойдёт? — спросила Сева.

— Катушка выберет направление, — ответил Леон.

— И бумагу зажуёт?

— Хуже. Она перепишет её под выбранное направление.

Ада посмотрела на него.

— Откуда знаете?

— Мара испытывала двухходовые регистраторы до назначения на «Ладугу». Обычный журнал записывает решение после выбора. Такой сохраняет две причины до тех пор, пока читатель не вынудит их совпасть.

— Вы говорили, что нашли только упоминание катушки.

— Я нашёл отчёт об отказе от разработки. Без схемы.

— И без имени сестры?

Он выдержал её взгляд.

— С её инициалами.

Мик тихо выругался. Его ладонь всё ещё поддерживала ленту, и злость пришлось выразить одним голосом.

— Значит, ты знал, что ищешь в шарнирах.

— Знал форму. Не знал, что катушка здесь.

— Для человека с одной рабочей рукой ты оставляешь слишком много мелкого шрифта.

— Поэтому договор и предусматривал независимого хранителя, — сказал Леон. — Если запись личная, я не должен читать её первым.

Он произнёс это без нажима, но Ада услышала цену: журнал сестры был в полушаге, а Леон сам напоминал о границе, которая могла его от него отрезать.

— Сева, позовите Ниса, — решила она. — И Лету. Нис будет читать левый край, Лета — правый. Ни один не видит всю строку. Мик держит бумагу. Я и Леон ведём намотки.

— Я не могу вести привод, — сказал Леон, показывая повязку.

— Будете задавать пределы. Не движение.

Сева ушла. Ада присела перед катушкой, не приближая пальцы. Две медные ленты были уложены не одна поверх другой, а входили в обод с противоположных сторон. На каждом витке

блестели крошечные насечки. Слева — короткая, длинная, короткая. Справа — длинная, две короткие.

— Это не разметка длины, — сказала она.

— Причины включения, — отозвался Леон. — Две смены должны были независимо назвать, зачем сохраняют курс.

— А если причины совпадали?

— Катюшка считала решение навязанным.

— Удобная машина для тех, кто никому не верит.

— Или для тех, кто знает цену общего журнала.

Когда пришли Нис и Лета, Сева принесла ещё две вещи: складную ширму из лазарета и зеркало с отбитым углом. Ширму поставили над катушкой вдоль бумажной ленты. Нис лёг на настил со стороны носа, Лета — со стороны кормы. Каждый видел только свою половину записи. Зеркало Сева положила под бумагой, чтобы Мик мог следить за её натяжением, не читая слов.

— А я? — спросила она.

— Следите за людьми, — сказала Ада. — Если кто-то начнёт повторять чужие слова до того, как услышит их, прекращаете извлечение.

— Наконец-то медицинский признак, который можно проверить без спора.

Мик положил запястье на край люка и перестал поддерживать бумагу пальцами. Лента провисла на ширину ногтя. Катюшка ответила двумя щелчками.

Ада взяла левый регулировочный ключ. Леону Сева поставила у колена две шкалы, выведенные от правой намотки. Он мог видеть натяжение и говорить, когда оно приблизится к пределу, но не мог повернуть ни одного винта.

— Начинаем с четверти зуба, — сказала Ада.

— С восьмой части, — возразил Леон. — Правая намотка уже короче.

— По вашей шкале.

— По следу жёлтой нити. Она смещена вправо.

Ада наклонилась. Нить действительно уходила под правый виток раньше, чем под левый. Не доказательство его расчёта — только наблюдаемая граница.

— Восьмая часть. Мик, держите провисание. Нис и Лета читают только после остановки.

Ключ сопротивлялся, будто был заморожен в металл. Ада надавила ровно настолько, чтобы насечка сдвинулась. Левая намотка ослабла. Правая тут же натянулась, и стрелка у колена Леона пошла вверх.

— Стоп.

Она замерла.

Из катушки вышло два пальца бумаги.

— Левый край, — сказала Ада.

Нис прочитал:

— «Смена девятая. Восточный пояс...» Дальше ширма.

— Правый.

— «...не открылся после третьего запроса», — сказала Лета.

Ада записала половины на разных листах. Один положила перед собой, другой перед Леоном. Полной строки по-прежнему не видел никто.

Они повторили движение. Теперь Леон назвал допустимое натяжение правой намотки, Ада выбрала величину ослабления левой. Бумага вышла ещё на ладонь.

Нис читал о том, что «Ладога» получила приказ берега удерживать восточный маршрут. Лета — что западный наблюдатель видел разрыв течения и требовал остановки. Фразы не складывались сразу. Иногда между половинами оставалось слово, скрытое ширмой; тогда Ада и Леон не угадывали его, а помечали пустое место.

На четвёртом извлечении катушка дёрнулась.

Мик удержал запястье неподвижно, но бумага сама потянулась к правой прорези. Стрелки Леона сравнялись.

— Не трогать, — сказал он.

— Они выровнялись, — заметила Ада.

— Поэтому не трогать. Равное натяжение для неё означает одинаковую причину.

Из щели между платформами поднялся белый свет. Нис закрыл глаза ладонью. Лета отвернулась, но продолжала лежать на своём месте.

Буквы на уже извлечённой бумаге поплыли. На листе перед Адой слова «восточный маршрут» стали бледнее, словно вода вымывала чернила изнутри. На листе Леона темнело слово «западный».

— Катушка сводит запись, — сказала Ада.

— Потому что мы остановились на равновесии.

— Нам всегда учили искать равновесие.

— Её учили бояться именно его.

Ада отпустила ключ. Недостаточно: шестерня держала виток. Чтобы развести намотки, требовалось сделать новое движение, но любое выбранное направление усилило бы одну версию за счёт другой.

— Дайте предел, — сказала она.

— Правую можно ослабить на одну насечку.

— Кто это сделает?

Леон посмотрел на повязку. Мик не мог убрать руку. Нис и Лета не должны были менять позиции. Сева следила за их речью и реакциями. Оставалась Ада — и два ключа по разные стороны катушки, до которых нельзя было дотянуться одновременно.

— Я, — сказал Леон.

— Нет.

— Мне достаточно двух пальцев.

— У вас два пальца двигаются хуже остальных.

— Зато причины не совпадают.

Он попытался улыбнуться, но боль уже выступила потом на виске.

Ада сняла с пояса страховочный шнур и перекинула через рукоять правого ключа. Свободный конец протянула Леону.

— Не тянете. Только выбираете слабинку. Движение сделаю я с другой стороны.

— Свяжете два привода одним шнуром.

— Нет. Шнур передаст предел, а не силу. Как только почувствуете натяжение, отпустите.

— Если не успею?

— Тогда Сева отрежет шнур.

Сева уже держала нож.

Леон взял конец здоровой рукой. Ада повернула левый ключ обратно на половину насечки. Шнур скользнул через рукоять, выбрал слабинку и выпрямился. Леон разжал пальцы.

Правый ключ повернулся только под собственным весом.

Стрелки разошлись. Белый свет погас. Слова на бумаге вернулись — не вполне прежними: в одном месте чернила остались серыми, и пустоту пришлось отметить как утраченную.

— Я отпустил раньше вашего предела, — сказал Леон.

— Я заметила.

— И всё же получилось.

— Потому что вы не пытались угадать моё движение.

Между ними лежал шнур, который ничего не соединял.

Работа продолжалась почти час. Волна дважды заставляла их прерываться. Один раз шов платформ расширился на толщину большого пальца, и Мик, не меняя положения руки, велел подложить клин под локоть. Второй раз от западного маяка пришёл слабый двойной удар. Катушка ответила ему дрожью, но намотки остались отдельными.

Строка за строкой журнал «Ладоги» возвращался из шарнира.

Берег требовал от прежней смены подтвердить восточный коридор как единственный безопасный. Западный наблюдатель Ина Грей отказалась: её поплавки показывали, что под гладкой водой замыкаются три отвергнутых течения. Навигатор кормы Руд Хасс дал другую причину отказа — восточный коридор повторял курс судна, уже вернувшегося в гавань без памяти о половине команды.

Обе причины были приняты станцией. Береговой приёмник отверг их как несовместимые.

Потом в журнале появились пропуски. Не повреждения бумаги — ровные белые участки, где катушка ничего не позволяла прочесть одной стороне. Нис видел слова до пустоты, Лета — после неё.

— «Куратор потребовал открыть...» — прочитал Нис.

— «...на четыре минуты, чтобы свести журналы перед передачей», — закончила Лета.

Леон поднял голову.

— Что открыть?

— Не достаиваем, — напомнила Ада.

— Там мог быть унификатор.

— Мог. В записи этого пока нет.

Он отвернулся к шкалам. Ада увидела, как напряглась его челюсть, но спорить он не стал.

Следующий участок вышел рывком. Мик едва успел опустить запястье. На бумаге остался бурый след, похожий на отпечаток четырёх пальцев.

Нис прочитал:

— «После сведения Ина назвала восточный курс безопасным. Она не помнила...»

Лета долго молчала.

— Читайте, — сказал Леон.

— «...что её сын был на судне, вернувшимся без памяти».

Никто не посмотрел на него. Это было милосердие, которого он не просил.

Дальше почерк Мары становился крупнее. Она записывала не события, а решения: отказ передать сводный журнал; отключение берегового привода; разделение команды на две независимые смены. Цена каждого решения стояла рядом.

За отказ от передачи «Ладога» лишилась права войти в любой служебный порт.

За отключение привода берег закрыл аварийные маяки архипелага для её позывного.

За разделение смен пришлось затопить центральную жилую платформу, где унификатор уже успел связать переборки одной памятью. В каютах остались личные вещи, зимний запас и навигационный архив за семь лет.

— Утонувшая смена, — тихо сказал Мик.

Ада поняла. В реестре так называли людей, погибших вместе с центральной платформой. Но журнал говорил не о телах. Смена утопила собственное общее прошлое, чтобы сохранить разные причины будущего решения.

— Люди перешли на корму и нос до затопления, — прочитал Нис. — Здесь список.

— Сколько? — спросил Леон.

— Двадцать семь.

Лета провела пальцем по своей половине.

— На следующей строке двадцать шесть.

Леон не спросил, чьего имени не было. Он и так знал почерк.

Катушка дошла до жёлтой нити. Та была не меткой, а узкой полосой от плаща, пропущенной через обе намотки. Чтобы извлечь следующий участок, ткань следовало либо разрезать, либо вытянуть из одного витка, затянув другой.

— На этом остановимся, — сказала Ада.

— Нет, — ответил Леон.

— Дальше личная запись.

— Вы не знаете.

— В списке двадцать шесть. Мара отделила себя от смены и связала витки тканью со своего плаща. Достаточно признаков, чтобы применить наш договор.

— Независимый хранитель ещё не выбран.

— Поэтому остановимся.

Леон посмотрел на выступивший край бумаги. До него было меньше ладони. Девять лет поисков — и ещё одна граница, установленная не морем и не берегом, а его собственным обещанием.

— Берег пытался свести журналы, — сказал он. — Это уже не личная часть. Нам нужно доказательство.

— Оно у нас есть.

— Половины фраз и серое место.

— У нас есть последствия. Ина потеряла причину отказа. Центральная платформа помнила одно решение всеми переборками. Берег закрыл маяки после отказа подчиниться. Для вывода достаточно.

— Для вас.

— Для станции.

Он встал слишком быстро. Сева шагнула к нему, но не прикоснулась.

— Я девять лет слышал, что «Ладога» погибла из-за разногласий смены, — сказал Леон. — Что Мара не подчинилась капитану. Что её ошибка стала доказательством необходимости единого маршрута. Если здесь её слова, я имею право знать.

— Имеете. Не первым и не ценой уничтожения второй записи.

— Вы опять решаете, какая цена допустима.

— Нет. Я соблюдаю цену, которую вы называли сами во второй главе.

Это остановило его вернее, чем приказ.

Шов платформ выдохнул зелёный свет. Где-то на носу один раз ударил колокол: граница устойчива. Простое сообщение от людей, которые не знали, что под ними возвращается история другой станции.

Леон опустил обратно.

— Тогда извлеките только служебный край до узла, — сказал он. — Не разрезая ткань.

Ада проверила расстояние. Между ободом катушки и жёлтой полосой оставалось три пальца бумаги. Этого хватало на одну строку.

— Нис и Лета читают. Мы с вами не смотрим.

Они отвернулись одновременно.

Мик принял последний участок на запястье. Ада ослабила левую намотку на восьмую часть зуба. Леон назвал предел правой. Бумага прошла под ширмой и остановилась у самой ткани.

Нис вдохнул.

— Слева: «Мы ушли сами, потому что возвращение...»

Лета продолжила:

— «...сделало бы береговую версию единственной для всего архипелага».

Под строкой стоял служебный знак закрытия смены. Не подпись. Не прощание. Решение.

Ада велела переписать обе половины на отдельные листы и запечатать их в разные металлические трубки. Одну отдали Нису, другую Лете. Полную копию не составляли.

— Это не доказательство для суда Службы, — сказал Леон.

— Пока нет.

— Элва назовёт запись повреждённой.

— Пусть сначала объяснит, почему её приказ использует тот же принцип.

— Какой приказ?

Ада указала на серый участок бумаги. Когда слова восстановились после почти случившегося сведения намоток, часть чернил исчезла. Но под ними проявился другой слой — не почерк Мары, а машинная насечка, отпечатанная прямо в волокнах.

Мик осторожно наклонил зеркало. Косой свет сделал знаки видимыми.

Леон прочитал их вслух:

— «Береговой протокол согласования. Редакция семь. При несовместимых основаниях сохранить маршрут, удалить различие причин».

Ниже стоял индекс отдела навигационной целостности. Тот же индекс Ада видела на пломбе современной переговорной жилы перед тем, как перерезать её.

Девять лет назад берег не просто требовал от «Ладоги» вернуться. Он отправил в катушку команду, способную оставить решение и уничтожить причины, по которым люди с ним не согласились.

— Значит, жила на «Дрейфе» была не только связью, — сказала она.

— Каналом согласования, — ответил Леон. — Если бы вы её не перерезали...

Он не закончил.

С носовой стороны станции заговорила мёртвая переговорная пластина.

На этот раз голос не копировал ни Аду, ни Леона. Он был женским, спокойным и совершенно живым.

— Станция «Дрейф», подтвердите приём. Говорит куратор Элва Сор. У вас осталось сто восемь минут до перелома течений. Я приказываю восстановить береговой контур и открыть протокол согласования.

Пластина щёлкнула. После короткой паузы тот же голос добавил:

— Отказ «Ладоги» больше не должен повториться.

Глава 7. Приказ с берега

— Назовите контрольную фразу, — сказала Ада.

Голос Элвы не ответил сразу. В мёртвой пластине шуршало море — не ветер у берегового микрофона, а медленное трение воды о нижние листы станции. Звук приходил снизу.

— Ренн, у нас нет времени на служебные игры.

— Тогда тем более назовите контрольную фразу последней закрытой сводки.

Ада не подошла к пластине. Между нею и переговорным узлом оставались раскрытый шарнир, катушка Мары и шов, который каждая волна подсвечивала зелёным. Элва могла говорить с берега. Могло говорить течение-эхо, собравшее её голос из памяти жилы. В комнате без горизонта обе возможности уже оказались истинными, и привычная проверка источника больше ничего не решала.

— Сводка не была закрыта, — сказала Элва. — Вы оборвали передачу на восьмом листе.

— Контрольную фразу шестого.

— «Соль на северных стёклах».

Ада записала слова, не подтверждая их. Фразу знали она, береговой дежурный и прибор, запечатавший лист. Но переговорная жила проходила через прибор. Если след умел копировать приказ после потери связи, он мог скопировать и ключ.

Леон поднялся у шарнира. Сева удержала его взглядом, и он оставил перевязанную руку у груди.

— Спросите то, чего в жиле не было, — сказал он.

Пластина передала его слова без задержки.

— Леон Вар, — произнесла Элва. — Вы не включены в командный расчёт станции.

— Зато включён в ваш старый протокол. Редакция семь, отдел навигационной целостности. Кто подписал приказ для «Ладоги»?

Шорох в пластине усилился. По краям потемневшей меди выступили белые капли.

— Если вы вскрыли старый регистратор, не пытайтесь читать его целиком. Повреждённые двухходовые записи создают ложную причинность.

— Имя, — сказал Леон.

— Приказ подписывала комиссия из пяти человек. Трое умерли, один лишён допуска. Я была младшим сверщиком и отвечала за передачу.

Леон сделал полшага к пластине.

— Вы отправили команду удалить различие причин.

— Я отправила утверждённый протокол согласования.

— Ина Грей забыла сына.

На этот раз пауза была человеческой. Не ровной задержкой канала: Элва вдохнула, начала говорить и остановилась.

— В официальном разборе нет такого имени.

— Поэтому и нет.

Ада подняла ладонь. Спор мог проверить Элву лучше любого ключа, но мог и дать следу новые слова. Нужен был вопрос, ответ на который берег получит сейчас, не из старой жилы.

— Элва, выставьте на западной башне Лиора два белых огня и один синий. Не по линии маяка — треугольником, вершиной вниз.

— Облачность закрыла башню.

— Тогда передайте через буй Керн-Восемь. Он должен быть в сорока милях к югу.

— Керн-Восемь сорвало ночью.

— Откуда это известно?

— Его вынесло к пристани Тальмы сорок минут назад. На корпусе ваша последняя метка солёности — три косых штриха и круг.

Ада посмотрела на Ниса. Тот едва заметно кивнул. Метку они нанесли вчера вручную, после того как поплавок дал сомнительное чтение. В береговую жилу сведения не передавали. Но течение могло видеть буй.

— Этого недостаточно, — сказал Леон.

— Я знаю.

Ада подошла к столу аварийной связи и вынула из нижнего ящика сигнальный молоток. Мёртвая пластина не должна была отвечать на механические импульсы: её мембрана была отсоединена вместе с жилой. Она ударила по раме коротко, коротко, длинно.

Через девять вдохов из пластины пришло: длинно, коротко, коротко.

Не ответ. Зеркало.

— Канал проходит через след, — сказал Мик.

— Или след стоит между нами и берегом, — добавил Нис.

— Для приказа разницы нет, — сказал Леон. — Он не подлинный, если посредник может менять причину.

— Для данных разница есть, — ответила Элва. — Вы можете не принимать приказ. Но вы обязаны увидеть то, что происходит у нас.

Пластина щёлкнула трижды. В её центре проступила тонкая светлая черта, затем ещё одна. Ада велела всем отойти. На меди появилась карта архипелага, грубая, без названий: острова обозначались тёмными пятнами, потоки — белыми нитями. Северный сезонный пояс должен был разделиться у Лиора надвое. Вместо этого он выгнулся к югу и упёрся сразу в четыре острова.

— Это можно нарисовать по нашей модели, — сказала Ада.

— По вашей старой модели, — ответила Элва. — Смотрите на западный край.

Там белая нить дрожала и распускалась на семь тонких волосков. Три гасли, четыре собирались вновь уже по другую сторону островов.

Ада опустилась перед пластиной. Такой рисунок возникал, когда поток ещё не выбрал русло, а человеческие маршруты уже начинали давать ему причины. Паромы уходили, рыбацкие суда возвращались, островные маяки требовали разные безопасные коридоры — и вода сохраняла каждый отменённый выбор.

— Сколько независимых наблюдений? — спросила она.

— Двадцать одно. Девять береговых, семь судовых, пять островных.

— Разделены по причинам?

— Нет. Сведены в эвакуационном центре.

— Тогда у вас не двадцать одно наблюдение. У вас один вывод, повторённый двадцать один раз.

— У меня сто сорок тысяч человек на низких островах.

Комната стала тише. Даже Леон не перебил.

Элва называла острова без торжественности. На Тальме вода уже вошла в нижние солеварни, и семьи переносили запасы на каменную гряду. На Вейне единственный глубокий причал оказался с подветренной стороны; если поток повернёт на два деления, три эвакуационных судна не смогут подойти. С Иреса вывезли детей и больных, но оставались смотрители водосборников и шесть сотен людей, отказавшихся бросить дома без прямого приказа. На малом Норре не работал береговой колокол. Туда отправили курьерский катер, однако его капитан получил две несовместимые карты прохода.

— Мы можем поднять всех, — сказала Элва. — Но должны решить, куда вести суда. Северная гавань вместит половину. Южные причалы вместят остальных, если перелом нач-

нётся позже чем через полтора часа. Ваши поплавки стоят по обе стороны линии. Только «Дрейф» видит скорость на глубине.

Ада знала каждый из этих поплавков. Пятый имел повреждённый якорь. Одиннадцатый завывал температуру после полудня. Семнадцатый стоял над подводной седловиной, где два слоя воды расходились, не смешиваясь. Отдельно их показания могли обмануть. Вместе — если сохранить различия — они давали время перелома с точностью до шести минут.

— Передайте необработанные островные наблюдения, — сказала она. — Все двадцать одно.

— Канал не удержит такой объём.

— А унификатор удержит?

— Он уберёт несовместимые основания и оставит значения.

— То есть сделает их непроверяемыми.

— Сделает пригодными для немедленного решения.

Леон коротко рассмеялся. В смехе не было веселья.

— Тот же язык, что девять лет назад.

— Девять лет назад мы потеряли станцию, двадцать семь специалистов и возможность прогнозировать восточный пояс на три сезона, — сказала Элва. — Я не защищаю всё, что сделала Служба. Я защищаю людей, которые сейчас стоят на крышах солеварен.

— Двадцать семь спаслись, — ответил Леон. — Вы записали их погибшими, потому что так было удобнее вашему выводу.

— Если они спаслись, где они?

Он посмотрел на жёлтую ткань, стягивающую две намотки. Личная часть журнала могла содержать ответ, но её нельзя было вскрыть. Элва услышала молчание.

— Вот именно, — сказала она. — Вы хотите поставить неполную запись выше живых островов.

— Нет, — вмешалась Ада. — Она говорит, что вы уже однажды уничтожили данные, без которых нельзя проверить ваш вывод. Острова не возвращают вам это право. Они делают ошибку дороже.

— А бездействие делает дорогой вашу осторожность.

Слова попали точно. Ада видела карту и могла назвать десяток причин не доверять ей. Ни одна не выводила людей с Норры.

На внутренней палубе ударил колокол — дважды, затем ещё дважды. Сдвиг корпуса. Шов шестой платформы расширился на ноготь. Пока они спорили, отвергнутый маршрут под станцией снова начал двигаться.

Нис выбежал к боковому окну и вернулся почти сразу.

— Северо-восточный свет смещается к корме. Западный маяк остаётся на месте.

— Станция выбирает голос, — сказал Леон.

— Не голос. Предложенное решение, — возразила Ада.

Карта на пластине побледнела, зато линия от «Дрейфа» к Лиору стала ярче. Протокол уже строил коридор, хотя никто его не включал. Достаточно было общего внимания к единственному варианту.

Ада накрыла пластину медной крышкой. Свет проступил сквозь неё.

— Элва, сколько времени нужно для передачи наших сырых данных обычным кодом?

— Тридцать четыре минуты при устойчивом контуре. У вас нет устойчивого контура.

— С унификатором?

— Четыре минуты. Затем мы рассчитаем эвакуационные окна и вернём вам маршрут.

— Что именно будет сведено?

— Только значения поплавков и основания отбраковки.

— Память людей?

— Протокол не различает журнал прибора и память оператора, если оператор подтвердил значение.

Сева выдохнула сквозь зубы.

— Значит, вы даже не можете обещать границу.

— Могу обещать длительность.

— Ина Грей тоже обещали четыре минуты, — сказал Леон.

Элва снова замолчала. Потом её голос стал ниже.

— Да.

Одно слово изменило спор. Не оправдало её и не сделало канал безопасным. Но копия, собранная следом из старой команды, скорее повторила бы формулу Службы, чем признала бы совпадение.

— Вы знали? — спросил Леон.

— Я знала, что после сеанса Ина изменила показания. Нам сказали, что прежнее основание было ложной связью, вызванной утратой сына. Через год я нашла первичный лист. На нём отказ стоял раньше извещения о пропаже судна.

— И вы остались в Службе.

— Потому что протокол остался бы без человека, который видел первичный лист.

— Очень удобно.

— Нет. Удобно было бы уйти и сохранить себя чистой.

Леон шагнул к крышке. Ада встала между ним и пластиной, не касаясь его.

— Если вы сейчас сорвёте канал, мы не узнаем ничего больше.

— А если оставим, он построит маршрут из самого разговора.

— Поэтому перестанем обсуждать единое решение.

Она велела Мику созвать всех, кто мог покинуть пост, на пятую платформу — нейтральную границу между носовым и кормовым расчётами. Не в рубку: рубка была связана с береговой жилой. Не у шарнира: катушка Мары не должна была стать предметом голосования. Пластину оставили под крышкой, а от неё протянули к пятой платформе только тонкую слуховую трубку без мембраны.

Через семь минут на границе стояли одиннадцать человек. Нис остался у носовых приборов, Лета — у кормовых; их голоса приходили по разным трубам. Ада изложила только проверенное: канал знает новую метку на буге, но зеркалит механический сигнал; берег показывает правдоподобную угрозу четырём островам; унификатор сократит передачу с тридцати четырёх минут до четырёх и не отделяет приборные основания от памяти операторов; под станцией уже формируется предложенный коридор.

— Что будет, если ничего не отправим? — спросил Мик.

— Берег поведёт эвакуацию по сведённым прибрежным данным, — ответила Элва через трубу. — Вероятность ошибки времени — до сорока минут.

— А если откроем унификатор?

— Берег получит глубоководный профиль. Вероятность снизится до шести минут.

— Цена?

— Мы можем потерять различия причин ваших измерений.

— Не «можем», — сказал Леон. — Для этого он и создан.

Ада положила на настил три пустых листа.

— Нам не нужно выбирать между молчанием и унификацией. Нужны независимые способы вынести данные за пределы станции.

— За сто минут? — спросила Сева.

— Уже меньше, — сказала Элва. — Девяносто две.

Нис предложил сбросить капсулы в западное течение к маяку «Ладого». Леон отверг идею первым: маяк не подтверждал доставку на берег, а течение могло оставить капсулы в

отказавшемся маршруте. Лета предложила поднять данные световым кодом. Облачность скрывала башни, зато эвакуационные суда могли увидеть луч. Для полного профиля требовалось больше часа и безошибочный наблюдатель.

Мик смотрел на разошедшийся шов.

— У нас две половины станции уже идут разными курсами. Пусть и передают разное.

Ада повернулась к нему.

— Объясни.

— Нос видит западный маяк. Корма — северо-восточный след. Если отправить одну и ту же сводку с двух концов, море её сведёт. А если нос отдаст глубину и время, корма — температуру и направление?

— Получатель не сможет связать строки, — сказала Лета.

— Если не будет третьего признака, — отозвался Нис.

Леон присел над пустыми листами и здоровой рукой провёл между ними линию, не соединяя края.

— Не третьего значения. Третьей границы. Передаём не полный профиль, а интервалы, внутри которых обе независимые модели дают одинаковое эвакуационное решение.

— Берег получит коридор без причин, — сказала Ада.

— Нет. Берег получит две причины отдельно и общий предел между ними. Нос передаёт нижнюю границу времени перелома по западным поплавам. Корма — верхнюю по восточным. Пятая платформа передаёт только перечень решений, допустимых во всём интервале.

Элва заговорила прежде, чем Ада успела закончить расчёт.

— Три передачи по повреждённому контуру займут не меньше двадцати минут. И я не смогу прогнать их через единый эвакуационный расчёт.

— Сможете, — сказала Ада. — Только не одновременно. Сначала северный центр считает по нижней границе. Южный — по верхней. Решения сравниваете голосом, без унификатора.

— Центры могут дать разные порты.

— Тогда выводите людей с островов, для которых оба решения совпадают, и не трогаете спорные суда до следующего пакета.

— На Норре следующий пакет может опоздать.

Ада посмотрела на карту, проступавшую даже под крышкой. Норр лежал у самой линии перелома.

— Для Норры передадим локальный предел первым. Не маршрут катера. Только последнее безопасное время отхода.

— Катеру всё равно нужен проход.

— Пусть капитан сохранит две карты и выберет на месте по цвету воды.

— Вы перекладываете решение на человека без доступа к модели.

— Я возвращаю решение человеку с доступом к морю.

Элва могла отказать. По уставу Ада предлагала раздробить прогноз, лишить центр единой картины и допустить локального капитана к выбору, который обычно утверждала Служба. Но устав уже говорил из мёртвой пластины голосом, прошедшим через течение-эхо.

— Мне нужны контрольные признаки цвета, — сказала Элва. — Не поэтические названия. Измеримые.

Ада впервые за весь разговор улыбнулась.

— Будут.

Решение экипаж принял не поднятием рук. Каждый назвал собственную причину и допустимую границу. Мик согласился, потому что раздельная передача не нагружала шов единым импульсом. Сева — потому что никто не входил в унификатор и можно было остановить сеанс при первых провалах памяти. Нис хотел проверить физический западный маяк. Лета — не дать

северо-восточному следу стать единственным свидетелем. Леон согласился ради сохранения двух журналов и отдельно отметил, что не доверяет Элве. Ада выбрала план, потому что он давал Норру действие сейчас, не превращая неполные данные в безусловный маршрут.

Причины записали на разных листах. Общего протокола не составляли.

— Я принимаю три пакета, — сказала Элва. — Но береговой контур придётся восстановить хотя бы до пятой платформы.

— Нет, — ответила Ада. — Мы не соединим жилу с сердцем станции.

— Тогда как вы передадите?

Леон посмотрел на шов, откуда поднимался зелёный свет.

— Через то, что уже слушает нас.

Они перенесли две снятые мембраны к краям станции. Носовую закрепили над водой рядом с линией западного маяка, кормовую — у светящегося следа. К каждой подвели отдельный ручной ключ. Пятая платформа не получила передатчика: её границу должны были отбить станционным колоколом, чтобы оба канала услышали один и тот же физический звук с разной стороны.

Ада рассчитала нижний предел. Лета — верхний, не видя её листа. Леон составил для капитана Норрского катера признаки: при зелёном свечении ниже гребня держать западную карту до второго рифа; при белом свечении в пене — восточную до чёрного буя; при одновременном свечении остановиться и высадить курьера на внешний мол. Элва повторила каждую инструкцию отдельно. Ни разу не произнесла, какой маршрут считает правильным.

На восемьдесят четвёртой минуте до перелома нос начал передачу.

Западный маяк отвечал на каждый блок двумя ударами, но второй приходил слабее. Нис читал значения, Мик поворачивал ключ. После двенадцатого блока у Ады исчезло из памяти название пятого поплавок. Она увидела его знак на листе, знала глубину и поправку якоря, но имя стало пустым местом.

— Стоп, — сказала Сева.

Ключ замер.

— Что потеряли?

— Название. Не основание. Пятый поплавок я отбраковала из-за сорванного якоря.

Леон, стоявший за границей света, спросил:

— Когда вы это решили?

— После первого бокового дрейфа. До повреждения лопасти.

— С кем проверили?

— С Нисом.

— «Тихий», — отозвался Нис с носа. — Он называется «Тихий».

Имя вернулось не как память, а как сообщённый факт. Ада не присвоила его обратно.

— Канал забирает уже сейчас, — сказал Леон.

— Только то, что пытается связать пакеты, — ответила она. — Меняем порядок. Не передаём номера поплавков. Только значения и локальные причины.

Элва возразила, но экипаж уже принял границу остановки. Носовой пакет закончили без имён. Кормовой пошёл следом. Лета дважды прерывала передачу, когда начинала одинаково формулировать разные основания. Сева заставляла её назвать, что видит в окне, и цвет воды возвращал различие.

Наконец Мик поднял молот станционного колокола.

Три допустимых решения для Норры лежали перед ним на отдельных полосах. Он не читал их вслух. Ударил один раз — отход немедленно. Пауза. Дважды — капитан выбирает карту по цвету. Пауза. Четыре раза — при совпадении свечения остановиться у внешнего мола.

После последнего удара море под станцией провалилось вниз.

Северо-восточный след, до того державший понтоны, сорвался с кормы и побежал к архипелагу светлой полосой. Западный маяк ответил не двумя, а тремя ударами. Шов шестой платформы резко сузился, едва не прижав оставленный у края инструмент, затем снова раскрылся — уже на один палец.

— Что произошло? — спросила Элва.

Нис смотрел в окно.

— Мы дали отвергнутому маршруту новую причину.

— Какую?

— Не возвращать станцию, — сказал Леон. — Доставить отдельные данные.

На закрытой пластине карта изменилась. Яркая линия больше не тянула «Дрейф» к Лиору. Она уходила от кормы одна, быстрая, не неся людей и корпуса. Впервые течение-эхо двигалось не как ловушка и не как повтор отменённого выбора, а как посыльный.

Голос Элвы стал почти неслышным.

— Первый пакет принят северным центром. Норрский катер подтвердил колокольный код. Они отходят сейчас.

Ада позволила себе один вдох облегчения.

Потом западный маяк ударил в четвёртый раз.

Из раскрытого шарнира ответила катушка Мары. Жёлтая ткань натянулась, и из-под неё показался узкий край следующей строки — личной части, которую никто не открывал.

На бумаге проступило одно слово:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.